

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	4
------------------	---

ЧАСТЬ IV. У КАЖДОГО СВОЯ ВОЙНА

Глава 1. Обитель Стройного Ясеня	8
Глава 2. Как взрастить гроздь гнева.	29
Глава 3. В поисках Избранного.	40
Глава 4. Соргий Квандо решает проблемы	59
Глава 5. Дело для Южного флота.	74
Глава 6. Прилежный ученик	81
Глава 7. Единственная возможность спастись	132
Глава 8. Вордий Онато спешит на помощь	138
Глава 9. Последний экзамен	158
Глава 10. Спасательная миссия	184
Глава 11. Поединок	204
Глава 12. Предательство.	220
Глава 13. Пробуждение	243
Глава 14. Любой ценой	266
Глава 15. Император Вирилана.	280
Глава 16. Именем великого владыки.	305
Глава 17. Посол.	318
Глава 18. Встречи и откровения	350

ЧАСТЬ V. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Глава 1. Мужчина и его женщины	378
Глава 2. Человек, у которого все есть	389
Глава 3. Как может измениться мир	395
Глава 4. Вместе	419
Глава 5. Решения для одиноких людей.	436

ПРОЛОГ

Дождь хлестал так, что не спасал даже шерстяной клубок торгской работы. Вода затекала в сапоги и мерзко хлюпала там при каждом движении Белочки, когда всадник чуть поднимался на стременах, проклиная резко свалившееся на голову ненастье и раздражающий скрип мокрого седла.

«Если бы не ливень, проскочил бы то темноты, а теперь...»

Теперь пришлось еще порядком поплутать по этим лесистым горам, пока вконец измотанный юноша не выехал к монастырю на звуки всеобщего колокола.

«И когда же они, наконец, по-человечески это сделают?!»

Соскользнув с лошадки, юноша согнулся в три погибели, чтобы постучать дверным молоточком. Он был специально закреплен так низко, чтобы каждый посетитель проникся смирением перед тем, как войти в святую обитель.

— Кого еще силы Небесные принесли?

— Да открывай ты, Ефрония! Не видишь, тут хляби разверзлись...

Наконец его впустили. Пристроив Белочку в конюшне, молодой человек привычно начал препираться с сестрой Ефронией:

— Овса ей насыпь, пожалуйста, а не грязной соломы, как в тот раз. И воду смени: тут уже запах такой, что демонов Мрака травить можно.

— Опять сестер воспитываешь?

Последняя фраза принадлежала миниатюрной женщине, появившейся в дверном проеме вверху, у лестницы. Скрестив руки на груди и прижавшись затылком к холодному камню стены, она с озорной улыбкой разглядывала гостя. Забыв про усталость, тот молнией взлетел по ступенькам:

— Мать-настоятельница, простите за столь поздний визит! Я же не разбудил вас?

— Вот еще, у нас только служба прошла! Ну, иди ко мне! — Женщина широко раскинула руки и обняла гостя. — Ты совсем промок! Давай в паровую купель, а потом я сама тебя накормлю...

Юноша жадно поглощал гречневую кашу с молоком, заедая знаменитым ихидранским сыром с пахучей голубой плесенью. Женщина наблюдала за ним, подперев щеку ладонью.

— Ты с каждым годом все больше походишь на отца.

— Вы мне это каждый год говорите.

— Да потому, что это так, вот и говорю.

Настоятельница имела фигуру девочки, и только выступавшие сосуды на руках и морщины под глазами выдавали ее чуть более чем полувековой возраст.

— Я и на вас похож, разве не находите?

Его собеседница рассмеялась:

— Ты знаешь, как сделать приятное женщине, у которой нет своих детей.

Юноша опустил глаза:

— Мне жаль, простите.

— Пути Господни предначертаны, а мы лишь следуем им как верные слуги.

Они помолчали. Наконец молодой человек отодвинул пустую тарелку и вытер губы и руки влажным полотенцем.

— Да, все так, но... Неужели с тех пор вы больше так никого и не полюбили?

Женщина прищурилась, а потом подняла глаза к потолку:

— Я люблю всех людей, как того требует Единый бог.

— Всех — это понятно. А чуть больше, чем всех?

— Ну, я люблю тебя, твоего отца...

— Я имел в виду несколько другое.

Настоятельница хмыкнула:

— Нашел о чем поговорить в монастыре! Ладно, хватит обо мне. Что у тебя нового? Как продвигается твой трактат?

— Трактат? — скептически поднял брови молодой человек, давая понять, что видит свой литературный труд несколько в ином качестве.

— Ну, анналы, летопись, хроника... С тех пор как в обители стали переписывать древние свитки, я слышу много подобных слов. Давай рассказывай, это ведь так захватывающе! Про посольство в Вирилан, торговый договор, все эти загадки, интриги, про страшного аринцила, грозящего войной, и, конечно, про любовь Уни к этой девочке-целительнице!

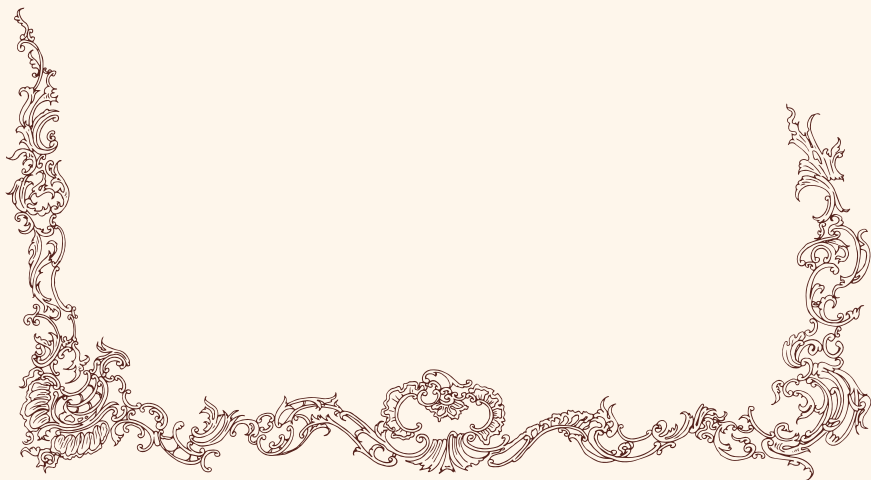
— Ну кто бы сомневался... — улыбнулся юноша. — Так, на чем мы остановились в прошлый раз? Кажется, действия там тоже происходят в обители...

ЧАСТЬ IV

У КАЖДОГО СВОЯ
ВОЙНА

ГЛАВА 1

ОБИТЕЛЬ СТРОЙНОГО ЯСЕНЯ

Уни затряс головой, прогоняя неприятные мысли. В самом деле, сколько можно смаковать постыдные моменты, связанные с Онелией и их пребыванием в горном пристанище? На его памяти это происходило в пятый или даже шестой раз за сегодня. Но, с другой стороны, чем еще можно занять себя в неспешной дороге? Переводчик вздохнул и поднял глаза, чтобы найти в однообразном горном пейзаже подтверждение своим печальным мыслям, но вдруг услышал неожиданно бодрое восклицание Стиффано. Другие члены посольства, оживившись, двинулись к голове колонны, чтобы тоже разбавить затянувшуюся путевую скуку долгожданным и новым впечатлением.

— Энель Вирандо, спросите ее, пожалуйста: это и есть монастырь? — возбужденно обратился к юноше священник Нафази, хотя другим имперским дипломатам уже было и так ясно, что цель их пути лежала внизу, на дне обширной горной долины.

— Госпожа Онелия говорит, что нам остался всего один переход, — вежливо сообщил Уни послу Санери. — Предполагаю, что

под словом «переход» подразумевается не ночлег, а просто небольшой отдых.

Воистину, нет ничего лучше, чем последний привал после утомительного путешествия. Уни впервые участвовал в таких длительных пеших походах, да еще и по горной местности, где каждый шаг дается тяжелее и даже дыхание, кажется, все время торопится убежать из груди, лишив сил для очередного шага.

— Мы прибудем в обитель к вечеру, — спокойно сообщила целительница. — Это хорошее время, правильное...

Уни ждал продолжения, но ее фраза повисла в воздухе.

— Она что, и правда все время так туманно выражается? — хмыкнул Стифрано. Казалось, его настроение, несмотря на приближение к цели, отчего-то только ухудшилось.

— А я думал, энель второй посол, что вы сами вполне способны ответить на этот вопрос, — с усталой иронией бросил ему доктор Аслеги. — Судя по времени, которое вы потратили на изучение вириланского...

Уни ожидал новой вспышки конфликта между уже вполне сложившимися за последнее время оппонентами, но, к его удивлению, Стифрано не стал искать на поясе несуществующий меч, а просто молча сел у кривой сосны и, подняв с земли небольшой камешек, начал играючи подбрасывать его в воздух.

— Ха-ха, наша девушка любит помоложе, — прокомментировал молчание второго посла Богемо и расплылся в такой улыбке, что все лицо его покрылось зигзагами морщин, а глаза превратились в узкие щели.

— Если вам так интересно, энель Богемо, то могу вас официально представить, — холодно отреагировал Уни. — Как особо интересующегося!

— Нет-нет, что вы, — захихикал торговый посланник. — Я не претендую, знаете ли...

— Энель Богемо хочет сказать, что он не вполне удовлетворен качеством вашей работы, — тут же попытался перевести беседу в излюбленное русло Гроки. — Вместо того чтобы строить шашни

с иноземной... помощницей нашей миссии, вы бы лучше помогли энелю послу выучить их корявый язык!

— Остынь, Гроки! — устало, но резко одернул его Санери. — Я вполне доволен нашим переводчиком. Пусть каждый занимается своим делом, и тебя, кстати, это касается в первую очередь. Что у нас там... с водой?

Уни посмотрел на первого посла с благодарностью, попутно поймав на себе колючий от ледяной ненависти взгляд Гроки.

«Нет, этот точно мог бы попытаться! И чего, спрашивается, он меня так невзлюбил? Бывает же так, что вроде ничего и не сделал человеку, а тот на тебя волком смотрит, будто „виноват ты лишь тем, что греет тебя один со мною солнца луч“. Мда».

— Энель посол, я схожу! — неожиданно для всех сам вызвался Уни. На самом деле он просто не хотел передавливать Гроки, ибо, во-первых, как человек от природы добрый не любил пинать поверженного противника, а во-вторых, в глубине души опасался мести секретаря посольства.

— По всем приметам, родник должен быть вон на том пригорке, — поделился с ним наблюдениями Рапурий Хардо. — Я провожу.

— Да нет, спасибо, тут ведь рядом, от воинов далеко, а зверей тоже вроде нет... Нет? — вопросительно обратился он к Онелии. Та посмотрела на него странным взглядом, но потом медленно покачала головой.

Хардо искоса глянул на Санери, тот прищурился и через мгновение едва заметно кивнул.

— Я быстро! — с облегчением выдохнул Уни.

Если бы это было так. За время нахождения имперской миссии в Вирилане Уни убедился, что путешествовать по карте в пыльном, но родном архиве и путешествовать по настоящей, особенно пересеченной местности — две совершенно разные вещи. И дело тут вовсе не в физической энергии, которую приходится тратить на передвижение, нет, дело еще и в самом расстоянии как таковом. Ибо если ты в горах или даже в холмах, то любая прямая твоего маршрута на практике оборачивается извилистой змеей, путь от

головой до хвоста которой подобен плутанию в темном и запутанном лабиринте. И вроде видно то место, куда надо попасть, но в последний миг всегда оказывается, что вот здесь слишком крутой обрыв, а здесь, наоборот, высокая стена, или овраг, или просто камни, которые набросаны так чудовищно хаотично, что скорее сломаешь ногу, чем доберешься до точки назначения.

Вот так и Уни, петляя с котелком, последовательно прошел все этапы этого нелегкого с точки зрения испытания собственного душевного равновесия пути. Сначала это было «Да чего тут вообще искать!», потом «Сейчас, сейчас, это где-то рядом...», затем «Мрак, да как здесь вообще можно пройти?» и «Да куда же этот родник треклятый подевался?!» Напряженность подогривало ощущение, что где-то недалеко остальные члены посольства, включая прекрасную Онелию, и ждут, что он «быстро», как и обещал, и если Уни не сдержит данного слова, то все будут называть его болтуном. И особенно этот изверг Гроки, который не упустит возможности тут же отомстить, а Онелия еще больше разочаруется... Нет, лучше об этом вообще не думать!

Уни остановился и, закусив губы, еще раз внимательно осмотрелся. Родника не было. Переводчик прислушался: не журчит ли где вода? Нет. А есть ли здесь родник вообще? Какой же он дурак, что отказался взять с собой Хардо! Тот бы сейчас сам искал свои приметы. Вот же тот приговор — и ничего! А может, не тот? Мрак их разберет!

Переводчик задрал голову — там действительно было еще одно возвышение. Много ли шансов, что родник именно там? Вряд ли. Вода всегда течет сверху вниз, и если бы источник на самом деле находился именно там, то... Все правильно, он стекал бы сейчас к ногам юноши красивым водопадом. Ну хорошо, необязательно красивым, но — стекал бы. С другой стороны, внизу молодой переводчик уже осмотрел все, а спускаться — нет, не в лагерь, а хотя бы в зону видимости посольства — с пустым котелком было бы тактически неверно. Хотя вряд ли на расстоянии видно, что он пустой, так что...

Уни еще раз посмотрел наверх, поймав себя на мысли, что прощается с этой так и непокоренной вириланской вершиной, которую, возможно, больше никогда не увидит, но в это драматическое мгновение в самой высокой точке возвышающейся над ним скалы он заметил нечто, резко выделяющееся необычным сочетанием терракотового, зеленого и небесно-голубого оттенков.

Цветок? Ну конечно же! Самый красивый на свете, на неприступной вершине посреди этой пустынной и опасной местности. И если Уни, как герой из старинных легенд, сорвет его и преподнесет в дар своей воз... хм... Онелии Лерис в знак искренней благодарности за... В общем, если он это сделает, а растение окажется еще и редким или символом чего-нибудь особенно романтического в местной культуре, то, несомненно, его авторитет в глазах вириланской целительницы поднимется выше горы Сумеры и она, конечно же, простит его за тот необдуманный ночной порыв, когда они... В общем, простит, ибо не оценить такое она просто не имеет права!

Лазать по горам Уни сразу не понравилось. Во-первых, раньше ему просто не выпадало такой возможности, а во-вторых, на практике это оказалось вовсе не так захватывающе, как он всегда представлял. И дело было не только в том, что, несмотря на все меры предосторожности, юноша царапал локти и колени, срывал ногти и кожу на пальцах, а уступы, за которые он еще недавно так прочно держался руками, оказывались либо слишком маленькими для ступней, либо слишком скользкими. Самое главное — это тот вид нарастающего душевного смятения, когда с каждым новым рывком ввысь понимаешь, что в случае чего слезть обратно шансов все меньше. Это походило на игру в капоштийские шашки, когда под конец партии фигур у победителя становится так много, что места для ходов у проигравшего почти не остается. Вот и сейчас Уни, искривившись в неудобной позе, с нелепо выгнутой и стремительно утомляющейся спиной, в панике обозревал свой маршрут и с обреченной уверенностью приходил к выводу, что путь у него только один — к небольшому выступу, левее от головы. Хорошей новостью

было то, что выступ на вид казался достаточно прочным и размещался почти на самом верху, то есть рядом с конечной целью всего неожиданного приключения. Плохим же известием стал тот факт, что дотянуться до него можно было только в прыжке.

Опытный скалолаз, зная свои возможности, наверняка нашел бы другой выход. Например, вколотить пару клиньев. Но у переводчика имперского посольства не было клиньев, зато была несомненно магическая по безумной природе идея, что если прыгнуть и уцепиться рукой за небольшой выступ, то практически нетренированный мальчик, который изрядную часть жизни провел в пыльном архивном заточении, сможет тут же подтянуть свое рыхлое тело и волшебным образом очутиться на самой вершине. Возможно, конечно, что этот соблазнительно прекрасный цветок, видимый уже отчетливо, источает некие особые запахи, заставляющие молодых людей тянуться к нему любой ценой, даже рискуя жизнью, как огонь ночной лучины притягивает мошкар. В любом случае мысли Уни неведомым образом сошлись во вполне конкретное решение, и он, оттолкнувшись что есть силы левой ногой (очень мощно, как ему показалось), а еще правой (недостаточно мощно, ибо она была почти выпрямленной), прыгнул, как обезьяна из аринцильских джунглей. Так Унизель Вирандо, переводчик посольства сиятельного императора Герандии Кергения, впервые в жизни ощутил, что такое переоценка собственных сил в критический момент, исходящая не из реального представления о возможностях своего тела, а исключительно из желаемых, а по сути — воображаемых характеристик.

Безусловно, сторонний наблюдатель не мог видеть весь ужас в глазах Уни и той рвущейся нити надежды в самой глубине его сердца, когда, великолепно допрыгнув почти до самой вершины и даже ощутив пальцами спасительный выступ, он через мгновение понял, что сил в кистях явно недостаточно, чтобы удержать все тело. Впечатление было такое, будто кто-то очень злой и несправедливый просто взял и с нечеловеческой яростью вырвал выступ из его руки. За эту ничтожную долю мгновения Уни успел последовательно

обрадоваться, потом испугаться, потом вознегодовать и, наконец, провалиться в дикую панику.

«Это все сон, это не со мной, это сейчас не меня размажет по живописным камням!»

Впрочем, последний ужас был настолько мимолетным, что не успел дойти от глаз и мозга до сердца, чтобы разорвать его от чудовищного, спрессованного, как оливки под давящим прессом, напряжения. Есть все-таки некая мудрость в том, чтобы лечить подобное подобным. В данном случае это был страх юркого песканика, которого умелый рыболов подсекает и разом выдергивает из воды. Так и сейчас: в воздухе раздался как будто свист меча, а потом что-то, словно бешено вращающееся колесо с крюками, подцепило Уни за ослабевшую правую руку и, резко подбросив, неожиданно мягко опустило на поверхность. На мгновение переводчику показалось, что тело его потеряло всякую гибкость и застыло, словно глиняная фигурка, вышедшая из печи. По крайней мере, на землю его поставили именно так — как единое целое, как чашу, которую, взяв за красивую ручку, аккуратно водрузили на стол.

Силиясь отдышаться и хлопая глазами, Уни попытался собрать свои ощущения в единую картину и осознать, что, собственно, случилось и кто (или что) выдернул его из лап смерти. В двух шагах стояла женщина на вид лет двадцати семи — тридцати. Ее черные волосы волной спадали за спину, на свободные бежевые одежды из грубоватого на вид, рифленого материала.

— Позвольте представиться: Униэль Вирандо, переводчик посольства Великого владыки всего, что под Небесами, императора Герандии Кергеня! — сбивчиво и быстро проговорил Уни. Он был растерян и не знал, с чего можно начать общение, но ведь именно для таких случаев и существует ритуал официального приветствия. Пока собеседник представляется в ответ, можно собраться с мыслями. Главное — при этом не пропустить, кто он и как его зовут.

— Меня зовут Найтия Ворен, — проговорила женщина. Ее голос был немного ниже, чем у Онелии Лерис, какой-то грудной.

До сих пор неясно почему, но именно он заставил Уни вспомнить недавние события, такие далекие, но не менее драматические.

— Вы, вы! — крикнул он, протягивая к ней руку. — Не может быть! Я видел вас, видел там, в бане! Сначала этот сон с Онелией в пустом городе, а потом — вы! Когда меня хотели убить..

Женщина слушала его с бесстрастным лицом, и Уни понял, что от возбуждения говорит на герандийском. Он резко замолчал, пытаясь взять себя в руки, а потом продолжил, уже спокойнее, на понятном ей языке:

— Приношу вам свои глубочайшие извинения за то, что не смог сдержать себя и мои слова вторглись в ваше тело! Тем более что вы только что спасли меня.. — Уни запнулся, прикидывая, действительно ли это заслуга его новой знакомой, и если да, то как именно она смогла это сделать. Однако никого другого рядом не было, а благодарность, как решил для себя Уни, лишней никогда не будет, особенно по отношению к вириланцам.

— Вы спасли меня! — повторил он, словно сам себе внушая эту мысль. — Я обязан вам тем, что моя жизнь продолжается, а тело все еще купается в лучах Божественного светила и отбрасывает тень на этой земле. Мне так хочется ответить вам искренней благодарностью... — опять запнулся Уни, в последний миг решив не озвучивать фразу «но у меня ничего нет, чтобы подарить вам». — Поэтому примите от меня это как символ тепла моего сердца, которое бьется благодаря вам!

С этими словами он наклонился, сорвал цветок, за которым и полез на вершину, и, почтительно склонив голову, вручил его своей спасительнице.

Вириланка плавно шагнула навстречу и аккуратно приняла растение обеими руками, смотря при этом Уни прямо в глаза. Он же, наоборот, не смел взглянуть на нее, но это было не смущение или застенчивость, как с Онелией. От этой женщины веяло чудовищной, невообразимой силой, словно внутри нее скрывался грозный ураган, способный в одно мгновение вырваться наружу и разметать

здесь все, включая и Уни, и небольшие деревья вокруг, и саму гору, на которой они находятся.

— Я благодарю вас, — сказала женщина, и ее голос пробрал Уни до костей. Он словно звенел изнутри; на миг переводчику даже показалось, что его обладательница волнуется или даже боится.

Он осторожно поднял взгляд. Найтия смотрела на цветок, погружившись в него настолько глубоко, словно это был целый мир.

— Он называется *Эйнервель синтуэйнел*, — тихо проговорила она.

— «Гонец зари», — шепотом перевел Уни.

— Когда солнце поднимается утром над горизонтом, он первый встречает его лучи, — пояснила женщина и вновь посмотрела на Уни.

— Это так... романтично! — ответил тот.

— Когда-то, много, очень много лет назад, на этом же самом месте один человек подарил мне точно такой же цветок, — тихо и задумчиво проговорила женщина.

У нее были большие, но чуть изогнутые к переносице глаза цвета молодого орехового дерева. Сейчас их кончики сузились, отчего взгляд приобрел пронизывающее, но в то же время скрытное, интимное выражение.

— Вот как! — только и ответил Уни. Он в самом деле не знал, что нужно говорить в такие моменты.

Словно уловив его мысли, женщина печально улыбнулась одними губами:

— Это воистину прекрасный подарок, но он предназначен другой.

С этими словами она, прикрыв глаза и чуть склонив голову, с почтением протянула цветок Уни.

— Вы правы! — выдохнул он и тут же ощутил, насколько легче ему стало. — Вы вернули мне не только жизнь, но и...

— Любовь? — спросила Найтия, чуть наклонив вбок голову. В ее интонации, совсем не вириланской, послышались нотки то ли шутки, то ли кокетства.

— Вы удивительная женщина! — по-детски широко и открыто улыбнулся Уни, но тут же поймал себя на мысли, что это уже вторая из двух местных представительниц прекрасного пола, с которыми он неосознанно начинает заигрывать. «Но я же не виноват, что они тут все такие красивые и не посылают меня сразу же, как я открыл рот!» — стал сам себя оправдывать он.

Хотя, по правде говоря, его личные ощущения от Найтии Ворен были совсем другими. Если Онелия была нежной и легкой, словно хоровод волшебных пушинок, то его новая знакомая походила... на змею. То есть, скорее, на теплокровную змею, если такие вообще бывают. В ней чувствовалась грация и мощь сжатой пружины, готовой в любую минуту разогнуться с ужасающе смертоносной силой. И в то же время в ней была мудрость скрытого знания, обладание которым несло в себе и власть, и грусть одновременно.

— Я должна вам вернуть еще кое-что, — тихо произнесла Найтия. В ее ладони появился небольшой предмет, в котором Уни с удивлением узнал подаренное ему Ронко кольцо. — Это ведь было у вас, не так ли?

— Да, конечно, спасибо!

Уни протянул руку и взял кольцо. Найтия мягко, но быстро прикрыла глаза, и в следующий миг молодой герандиец ощутил нечто, что чуть не сбило его с ног. Это была волна, которую он чувствовал кожей, волна боли, тоски, горечи и страдания, которая шла от этой женщины и накрывала юношу целиком. У Уни закружилась голова. Он испугался, что сейчас, потеряв равновесие, снова рухнет с обрыва, но уже в следующее мгновение все стало, как прежде.

— Вы можете спуститься с горы по тропинке, которая начинается вон за тем камнем, — сказала женщина ровным, спокойным голосом.

— Да, конечно, благодарю вас! — поспешно поклонился Уни и дрожащими пальцами со второй попытки надел кольцо на палец.

— Унизель Вирандо, — окликнула его Найтия, когда переводчик уже готов был покинуть место их беседы.

— Да? — обернулся Уни на ее голос, не ожидая в душе ничего хорошего.

— Вы позволите дать вам совет? — спросила его женщина.

Уни смотрел на нее немного снизу вверх. Заходящее солнце белой аурой освещало ее волосы.

— Конечно, буду рад принять его, — беспокоенно ответил он.

— При нашей следующей встрече, когда вы прибудете в обитель Стройного Ясеня, позвольте течению нести вас.

— Простите? — переводчик вежливо наклонил голову.

— Что бы ни случилось, не удивляйтесь и не подавайте виду.

— Разумеется! Я понял вас, — аккуратно поклонился Уни.

Это было неосознанной ложью: переводчик не понял абсолютно ничего из того, что сказала его новая знакомая. Но он был рад, что она так неожиданно окликнула его, потому что молодой человек уже достаточно пришел в себя и наконец вспомнил об одном действительно важном деле.

— Прошу прощения, вы случайно не знаете, здесь поблизости нет источника чистой воды?

— В сорока шагах к югу от вашего лагеря, между двух круглых камней. Ориентир — старая береза. Котелок, который вы обронили, лежит у подножия скалы, в траве у ствола упавшего дерева..

— Спасибо, я безмерно признателен вам и рад нашему знакомству! — обрадовался Уни, а ноги уже несли его по указанному маршруту.

— ... правда, ваши спутники уже воспользовались им, но ведь у вас есть более важная причина, чтобы так спешить, — скрупулезно закончила свою фразу женщина, и в глубине ее ореховых глаз засветилась улыбка. — А это значит, что нас всех ждут очень большие перемены..

Найдя котелок так же легко, как и обратную дорогу в лагерь, Уни боялся теперь только одного — как другие члены посольства отреагируют на его длительную, да еще и безрезультатную отлучку. Но, к его удивлению, все прошло совсем не так, как он ожидал. Имперские дипломаты уже давно сами нашли родник у самого лагеря

и теперь вдыхали запах похлебки, идущий из котелка, и, похоже, чувствовали себя виноватыми перед Уни.

— Прости, дружище! — в несвойственной для него неуклюжей манере поднялся с места Рапурий Хардо, уступая переводчику место у костра.

— Да, погонял тебя по горам наш охранничек-то, а? — злорадно улыбнулся энель Стифрано. — Ты как ушел, лечила наш по нужде направился и на родник тот сразу наткнулся. Молодец, лечила! Такой нюх на отхожие места!

Энель Аслепи, флегматично помешивающий похлебку, размеренно хлопнул половником по кипящей жиже. Горячие брызги полетели во второго посла. Тот с воплем вскочил и начал дуть на обожженное место.

— Водичкой холодненькой на роднике промойте, — спокойно глядя ему в глаза, сказал Аслепи.

— Энель Стифрано, мы тут не одни! — вмешался посол Санери. — С нами дама, если вы забыли.

— Да она все равно ни шиша не понимает! — со скрытым раздражением бросил Стифрано. — Эй ты, чего сидишь, как мраморная статуя? — обратился он уже к Онелии. — Вот видите, даже не реагирует!

— Не умеете вы ухаживать за женщинами, энель Стифрано, — холодно осадил его Уни. — Может, вам и правда к роднику прогуляться, а? Где два камня и старая береза? А то вот переведу сейчас, что вы сказали, да еще и от себя добавлю — какой скандал будет, смекаете?

Повисла напряженная тишина. Дело было не только в наглости переводчика, но и в том, что он прекрасно знал о расположении родника, хотя искал его совсем в другой стороне. Все это вместе сейчас позволяло ему полностью владеть положением.

— Не стоит вам, молодой человек, так злоупотреблять полномочиями... — медленно, с расстановкой проговорил Санери.

— А я и не злоупотребляю, — не дав ему закончить, усмехнулся Уни. Юноше казалось, что, вернувшись с горы, он несколько рас-

терял то сидящее в крови уважение к начальству, которое всегда считалось свойственным именно герандийцам. — Напротив, я собираюсь исправить досадный дипломатический конфуз, который так неосторожно чуть не вызвал достопочтимый энель Стифрано.

С этими словами он достал из пустого котелка роскошный горный цветок и торжественно вручил его Онелии.

Посольство в полном составе разинуло рты, забыв про выкипающую похлебку.

— Н-ну, знаете, энель Вирандо, вы... Вы молодец! — первым нашел что ответить Нафази.

— Абсолютная победа! — усмехнулся доктор Аслепи, иронично оглядывая окружающих, которые медленно выходили из оцепенения и, кажется, тоже готовы были одобрить поступок Уни.

— Жених сыскался! — зло прошептал секретарь Гроки, но он был в явном меньшинстве. Даже Стифрано внезапно забыл про личные обиды и энергично хлопнул переводчика по плечу. Впрочем, сила, с которой он это сделал, заставила Уни предположить, что это была очередная попытка его убийства.

Однако сейчас для начинающего имперского ловеласа гораздо важнее было другое — как отреагирует на его поступок сама Онелия. Та, деликатно выждав, пока реакция посольских поутихнет, подняла на Уни изумрудные глаза и сказала:

— Позвольте выразить вам глубокую признательность за этот прекрасный подарок. Природа этого цветка очень необычна..

— Да, это «Гонец зари»! — мгновенно перебил ее Уни, не удержавшись продемонстрировать свои обширные познания в местной культуре.

— Я вижу, вы знаете, как он называется..

— Ну, — спохватился Уни, вспомнив о данном Найтии Ворен обещании, — я просто подумал, что это будет для него очень удачным названием!

— Оно и правда неожиданно удачное.. — вежливо склонив голову, сказала Онелия, — для цветка, который принято дарить девушке, за которой долгие годы ухаживал влюбленный в нее мо-

лодой человек и которой теперь таким образом хочет рассказать о своих чувствах.

— Ой, простите! — пробормотал Уни пересохшим ртом. Если бы грунт здесь был хотя бы чуть-чуть помягче, юноша тут же зарылся бы с головой в землю от стыда. — Я просто не знал..

— Я приму ваш цветок, — с легким нажимом произнесла Онелия, — потому что он мне понравился.

Она мягко подала подбородок вперед, а потом слегка повернула голову вправо и немного расширила глаза.

— Но поскольку вы не из наших земель и не знаете того, чего вы об этих землях не знаете, то я... не буду придавать этому подарку значения, которое в него обычно вкладывают.

Уни несдержанно выдохнул, еще толком не определившись, радоваться теперь или печалиться.

С одной стороны, она не будет считать, что он к ней что-то чувствует, но с другой... Она не будет считать, что он к ней что-то чувствует! Вроде одно и то же, но и хорошо, и плохо одновременно!

— Вы меня, наверное, спасаете! — поджав губы, обреченно пробормотал Уни.

— Простите, я не совсем понял: она таки рада или нет? — вкрадчиво осведомился торговый посланник Богемо. — Энель Вирандо, вы не могли бы перевести, так сказать, общий смысл вашего диалога?

— Конечно, рада, светел мой день! — громогласно усмехнулся Стифрано и обратился к Уни: — Мужик! Теперь она тебе и вправду не откажет! Придем в монастырь — не теряя времени, и этой же ночью...

— Идите вы, энель второй посол... в монастырь! — кисло отреагировал Уни.

Быстро осушив котелок с похлебкой, члены имперской миссии энергично преодолели последний отрезок пути и еще до захода солнца достигли конечной цели всего маршрута.

Монастырем это место Уни окрестил скорее по аналогии. Именно так назывались отдельно стоящие поселения мустобримских

жрецов Единого бога, окруженные крепостной стеной. Обитель Стройного Ясеня стен в привычном понимании не имела, поскольку ее хаотичная, на вириланский манер, архитектура была традиционным для этой страны образом органично вписана в природное окружение, в данном случае — в деревья.

— Ясени... — с задумчивой и приятной улыбкой произнес Нафази.

— Стройные... — напряженно сказал Санери, словно соизмеряя уровень стройности с неким одному ему известным идеалом. Результат его явно не устроил, а может быть, он просто волновался в преддверии встречи с анвиллами.

— Такое же бессвязное нагромождение полуразрушенных халуп, — уловив настроение начальника, пробормотал саркастически Гроки. — Надеюсь, нас сначала накормят и дадут отдохнуть, прежде чем представят местному... Как его там, энель Уни?

Переводчик не счел нужным как-либо реагировать.

Онелия, поклонившись, вежливо попросила подождать на небольшой лужайке или даже площади, образованной стенами умело скрытых среди деревьев строений. Растительность и мшистые камни, расположенные на первый взгляд в случайном порядке, при более пристальном рассмотрении стали казаться частью некоей более масштабной и сложной композиции. Уни уловил как минимум две закономерности в их расположении относительно друг друга и еще две — относительно неких гипотетических объектов в других частях монастыря. Он уже собрался поделиться своими наблюдениями с проявлявшим смесь нетерпения и усталости энелем Санери, когда целительница вновь предстала перед посольством, на этот раз — в сопровождении еще одной женщины.

— Натайниш Ворен! — представила ее Онелия.

Та была выше Онелии на полголовы, однако казалась еще значительнее из-за стройного телосложения и гордой, державной осанки. Первый посол Санери отметил то скрытое, не выставленное напоказ достоинство, с которым она несла себя в мир. Для второго посла большее значение имели длинные ноги, тогда как для энеля

Богемо — терракотово-коричневые одежды из плотной рифленой ткани. Остальные члены посольства тоже, вероятно, что-то подумали — все, кроме энеля Вирандо. Тот смотрел в одну точку, как студент академии, которому преподаватель задал на экзамене вопрос по той единственной теме, которую он не успел повторить.

— Энель Вирандо, — вкрадчиво, но угрожающе проговорил энель Санери. — Очнитесь наконец от созерцания объекта вашей страсти и переведите то, что я сейчас сказал.

— Да, простите, энель посол! — спохватился Уни. — Госпожа... Ворен, ваше достоинство и грация вызывают искреннее восхищение посла Санери, чьими устами говорит Владыка всего, что под Небесами, достодержавный слуга милосердного Светила нашего Кергений!

Обе женщины посмотрели на посла, а потом на Уни странным взглядом. Переводчик на миг задумался: может быть, энель Санери сказал еще что-то, уже после того как Уни впал в ступор?

— Что вы им сказали? — натянуто спросил Гроки.

У Уни внутри все похолодело.

— Я просто перевел то, что сказал энель посол!

Санери закусил губу:

— Скажите ей, только о-очень вежливо...

Но Натайниш Ворен внезапно сама прервала его:

— То, что вы говорите, очень ярко свидетельствует о том, что ваше появление здесь должно нести в себе действительно большой смысл.

Услышав перевод, Санери сглотнул:

— Давайте самую суть, сразу, без лишних слов!

Он напоминал рыбака, смертельно уставшего сидеть с удочкой всю ночь под дождем, но теперь ухватившего здоровую рыбину и боявшегося, что она уйдет.

— Госпожа Ворен! — начал Уни голосом, который лично ему казался величественным и одухотворенным, хотя со стороны походило, что он произносит речь в честь недавно умершего родственника. — Мы пришли сюда с чрезвычайно важным известием!

Будучи в плену у касты воинов, заботами счастливого случая мы стали обладателями известия о готовящемся нападении на анвиллов с целью их поголовного истребления, что наверняка откроет путь к убийству законного императора Вирилана и захвату власти жестоким Ягуаром — наследником Пятого царства, существовавшего некогда на территории Вирилана. В обмен на эту важную информацию мы просим вас содействовать в организации аудиенции у вириланского владыки, чтобы лично рассказать ему все детали заговора и тем самым засвидетельствовать всемерное уважение и поддержку со стороны повелителя Герандии Кергения!

Уни был очень доволен речью, которую произнес. Ему казалось, что он лаконично, но предельно точно изложил самую суть дела. Впрочем, посол Санери и другие члены посольства не разделяли его восторга, и не потому, что придерживались иной точки зрения, а потому, что все-таки ждали некоего ощутимого результата. На время стало очень тихо, только ветер пару раз легко прошелся по вспотевшему затылку энеля Богемо.

Неожиданно Оналия, едва заметно сдвинувшись с места, плавно, не качнувшись и на полмизинца, словно несла на голове тяжелый груз, переместила свое тело вперед и чуть вбок от Натайниш Ворен. Та, на мгновение опустив глаза, произнесла:

— Принять это знание от вас — неожиданность, но и пролог к чему-то большему. Если есть слова, что вы произнесли, значит, есть и порожденные ими дела. Мы вместе пройдем то, что сделано и потому названо. Возможно, сейчас вы захотите отдохнуть, а утром можно обсудить детали.

— Вы уверены, что правильно все перевели? — насупившись, поинтересовался первый посол, когда их уже вели в ночные покои.

— Я думаю, да, — нерешительно ответил Уни. — Понимаете, в вириланском языке смысл передается не только словами, но и отсылкой к неким другим... смыслам.

— Ну хорошо, — несколько смягчился Санери. — Завтра в любом случае все обсудим.

Начальнику, как и другим членам миссии, хотелось спать, а разговоры на важные темы сильно утомляли. Уни тоже был не слишком свеж, однако о сне сейчас думал в самую последнюю очередь. Он снова поймал себя на мысли, что в критических обстоятельствах, требующих быстрых решений, начинает вести себя нервно и суетливо, что отнюдь не идет на пользу его образу в глазах окружающих. И в ее глазах — тоже.

Уни вспомнил, как после ухода Натаяниш Ворен бросился к Онелии, как смотрел на нее. Стыдно вспомнить. Как щенок на хозяина, собирающегося уйти из дома.

— Вы... уходите?

— Да, но в монастыре я останусь до завтрашней беседы.

Он испугался и открыто показал свой испуг. Наверняка ей было смешно. Вот всегда так!

Уни с досады вырвал из брови волос. Надо подумать о чем-то другом. Вот эта Найтия Ворен. Или Натаяниш Ворен? Мда. И как это все понимать? И спросить не у кого.

Словно читая его мысли, на пороге комнаты возник Хардо. Точнее, порога никакого и не было, равно как и двери. Вход представлял собой закрученную каменную улитку. Чтобы войти внутрь, нужно было почти на месте повернуться вокруг собственной оси.

— Ну и как тебе все это? — встретил его Уни вопросом. Он был совсем не удивлен компании охранника и даже в глубине души ждал его прихода.

— Не очень, — мягко ответил Хардо. — Стражи на входе нет, любого можно зарезать и уйти спокойно.

— А-а-а, так ты с обходом?

Хардо смущенно пожал плечами:

— Начальник попросил присмотреть за тобой. — Он немного помолчал, а потом добавил: — Ты меня извини... за родник. Сглюпил я.

— Да ладно, проехали. — Уни по-хозяйски усмехнулся. — Может, оно и к лучшему.

Снова наступила неловкая пауза.

— Что к лучшему? — спросил Хардо.

Уни демонстративно вздохнул. Он пребывал в положении человека, которому дико хотелось выдать тайну, однако формально данное обещание не позволяло этого сделать. А поскольку формальное можно победить таким же формальным, Уни требовалось вмешательство третьей силы, которым он мог бы объяснить собственной совести, почему сейчас нарушит данное слово.

— Даже не знаю, что тебе сказать. Я очень ценю твое отношение, Хардо, но есть вещи, которые не могу доверить даже тебе. — Переводчик снова глубоко вздохнул. — Понимаешь, я дал слово...

— Ага! — неумолимо кивнул охранник. — Не тяни. Самую суть.

— Ой... — демонстративно помедлил Уни, изображая муки совести. — Эта женщина, Натайниш Ворен. Или Найтия Ворен, как она сначала представилась, я так и не понял... В общем, я видел ее там, на горе.

— На какой горе? — вкрадчиво уточнил Хардо.

— Ну, когда за цветком... Неважно. В общем, я ее видел и даже разговаривал с ней. То есть не только разговаривал...

Если бы здесь вместо охранника был, скажем, Стифрано, то второй посол, несомненно, отпустил бы по этому поводу какую-нибудь шутку. Возможно, Уни втайне от себя ожидал именно такого результата. Однако на лице Хардо можно было прочесть только легкое раздражение.

— Да что говорить, она просто спасла меня! — продолжил Уни. — Когда я падал. Подхватила за руку. Сила нечеловеческая, понимаешь? И скорость. Вот. Да, и просила никому не рассказывать, что я ее видел. По крайней мере, я так это понял. Хотя...

— Это точно была она?

— А-ай! — зашипел Уни. — Вот в том-то и дело! Ты сейчас самую суть сказал.

— И жду того же от тебя.

— Хорошо. Там, на горе, она назвалась другим именем. Почти другим. Найтия Ворен. А тут — Натайниш Ворен. Хотя это ее так Онелия назвала.

Хардо деловито пригладил усы.

— Может, Натайниш — имя, а Ворен — должность?

— Может быть. Еще варианты?

— Сестра-близнец.

— Да, это первое, что мне пришло в голову. Только... это еще не все. — Уни поскреб щетину на небритом подбородке. — У тебя было когда-нибудь такое ощущение, что ты видишь хорошо знакомого человека, то есть глаза, рот, нос, волосы — все такое же. Но это не он?

Хардо пожал плечами:

— Была в театре Хонто одна пьеса...

— Что? Ты в театр ходишь?

— Был пару раз, по долгу службы. В пьесе той в одного парня вселился злой дух. Человек остался тем же, а нутро — совсем другое.

— Вот! Хардо, ты меня просто удивляешь! Очень точная аналогия.

— Ты веришь в духов?

— Я — нет. Но кто его знает, что здесь может произойти. Это была она — и не она.

— А прямо спросить нельзя?

— Нет, конечно! Она же просила... Если спрошу — все испорчу. Я это вот здесь чувствую! — Уни постучал себя кулачком в грудь.

После ухода Хардо он еще долго ворочался в кровати-лодке, продираясь через дебри различных объяснений случившегося, преимущественно — фантастических. «Надо будет Онелию разговорить. Не так, чтобы прямо в лоб, а чтобы она сама мне обо всем рассказала. Тогда и слово не нарушу, и информацию получу». Довольный своим хитрым планом, он наконец заснул.

ГЛАВА 2

КАК ВЗРАСТИТЬ ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

Соргий Квандо, тихо мурлыкая, полностью предоставил свое тело в распоряжение двух кряжистых улинских массажисток. Традиция отдавать дань такой приятной во всех отношениях процедуре перед обеденной сиестой полностью себя оправдывала.

К большому удивлению — как собственному, так и окружающих, — из вчерашнего беспутного гуляки получился весьма смекалистый продолжатель отцовского дела. Ну и пусть энель Квандо-старший делает основные деньги в столице! За считанные месяцы его сын на «малой родине» сумел доказать, что при минимальном творческом подходе оставшиеся в Вуравии мебельная мастерская и маслобойни способны приносить в четверть больший доход. Чего стоит одна только его покупка у денежного дома Хлааву земельных участков сотни разорившихся крестьян? Бедняги так и не смогли получить с них достойный урожай, чтобы расплатиться с долгами. Еще бы, земля-то — один песок, камни да глина. Знакомые отца крутили пальцем у виска, конечно. Только не понять им, что при

таком бешеном строительстве, какое идет сейчас в процветающей Вуравии, стройматериалы ценятся на вес золота. Наскоро соорудив несколько карьеров и немного вложившись в правильные сплетни, Соргий уже через две недели продал теперь уже единый участок в три раза дороже. Отослав половину выручки отцу, он искренне прослезился, прочитав ответное, полное теплоты и гордости за сына письмо.

Ну, хватит на сегодня дел да лирики! Пришло время порадовать старину Турвия, что уже сорок лет верно служит поваром в их семейной городской усадьбе. Уехав в столицу в семилетнем возрасте, Соргий тем не менее прекрасно помнил этого мягкого, стеснительного человека, который волшебным образом у себя на кухне преображался в неподражаемого кудесника. Вот и сейчас перед глазами стоят яркие детские воспоминания: приятный вечер, дружеская компания не самых бедных людей Тампритэнсы, приглушенный свет, вибрация воздуха от струн кифары... Все пробуют речного волка в тонком соусе из оранского масла и жира рыбешек помельче, потом громкими пьяными криками требуют немедленно повара. Энель Турвий, ссутулившись, выходит в центр зала, глаза опущены, руки сложены на животе. Дородные, заносчивые вуравийские купцы, жестокие «дяди» преступных кланов, как по команде, встают и рукоплещут — дико, истоно и самозабвенно. По щекам маленького Соргия текут слезы. Он бежит через весь зал и обнимает энеля Турвия за ноги. Каждый раз, когда гостям выносили главное блюдо, Соргий страшно волновался за повара, у которого всегда самый вкусный кусочек был припрятан для его маленького друга. Но главное — он просто любил этого человека, удивительным образом сочетавшего в себе высшее мастерство в деле и доброе, открытое сердце.

Окунувшись в приятные воспоминания в предвкушении вкусного обеда, Соргий мягко плыл по улице в роскошном паланкине, когда услышал сквозь привычный шум толпы чей-то знакомый голос. Да, определенно, от этого сборища на разгрузочной площадке перед Центральным рынком веяло интригой и тревогой од-

новременно. Остановив взмахом руки транспортное средство, он стал продираться сквозь собравшийся народ, который с интересом слушал окруженного группой странных людей в желтых масках высокого оратора, использовавшего как трибуну телегу с ящиками из-под железных корабельных гвоздей.

— ...веками славилась своим богатством! А за четыреста лет империи Вуравия по праву стала называться Большой кормилицей. Но где же все эти сокровища? Почему все о них говорят, но никто из нас не может почувствовать их в руках, принести домой своим семьям? Разве золото — это вода, ускользящая сквозь пальцы? Что же это за кормилица такая, что не может прокормить собственных детей?!

— Верно! — раздалось из толпы. — Горбатись изо дня в день, чтоб поганые герандийцы забрали последнее!

— Герандийцы? — оратор демонстративно приложил ладонь к уху. — Тут, кажется, кто-то сказал «герандийцы»? А где ты их видел, парень? Пока я шел сюда, вдоль проспекта Тысячи Радостей, мимо квартала Анпируэрни, где дома — нам на такие три века вкальвать, и по задворкам Тягучего Конца, где бедняки живут в старых бочках из-под масла, я не встретил ни одного герандийца. Зато я видел немало «жирных котов», которым бесполезно говорить про тяготы простого люда. Они просто не поймут, что это такое — каждый день сражаться за то, чтобы твои дети не умерли с голода! Терпеть унижения, обман и побои от наглых и вороватых чиновников! Почему они так богаты, ответьте мне? Почему они ласкают своих любовниц на шкурах торгских песцов, когда наши дети мерзнут холодными ночами? Почему они за ночь спускают в заведениях столько леро, что целый район может полгода жить припеваючи? Почему владеют дворцами, которым позавидовал бы сам император, а десятки тысяч рождаются, живут и умирают, так и не получив собственного жилья?

— Деньги! — нестройными криками ответила толпа. — Купцы... Торгуют... Денежные дома!

— А почему у них есть деньги? Потому что они такие умные и работающие? Нет, все их богатство создается вашим трудом, но

каждому из вас — от простого курьера или ремесленника до образованного писца и холеного управляющего — достаются лишь крохи со стола хозяина. Торговля? Да они сами говорят, что ее не бывает без обмана! Денежные дома? Нет, ростовщики — мерзкие пиявки на теле настоящих работников! Делают деньги из воздуха — но разве они кудесники? И миллион леро ничего не стоит, коли нельзя обменять его на реальный товар. Нет, не из воздуха эти деньги, а из вашего пота и крови! А это значит, что ответ тут может быть только один: они богатые, потому что вы — бедные! Но разве это обещал Норей Основатель? Нет, он говорил: «Светило небесное, наш великий и добрый господин, щедро дарит свои лучи всем людям на этой земле, так и я впредь, и великая наша империя откроют свои богатства для всех, кто живет в ее пределах». Но «жирные коты» предали забвению эти великие слова. Они подло скрывают от нас книги с его заветами, чтобы простой народ навсегда забыл о том, на что он имеет право!

— А ты сам-то видел эти книги? Откуда про то знаешь?

— В Вуравии сохранился лишь один экземпляр — в библиотеке Дракация Нери. Этот кровопийца, скупивший всю землю в нашей цветущей провинции, как огня боится, что люди узнают правду! Но мы пойдем к нему и потребуем показать нам этот священный документ!

— Да! Правильно! — заколыхалась толпа. — Я тоже слышал... Надо пойти... Так там нас и ждут... Встретят каленой сталью... Имеем право... Надоело так жить, лучше погибнуть в борьбе!

— Мы, братья-«дворники», десятилетиями готовили этот великий поход за правое дело! — с воодушевлением, ощущая поддержку разгоряченных людей, продолжил со своего ящика высокий незнакомец. — Мы готовы были и дальше копить наши силы, но я, Верховный дворник, сказал себе: хватит! Нет сил больше смотреть, как народ страдает! Расправим плечи, вспомним, что мы свободные граждане великой страны! Пойдем и возьмем то, что обманом отняли у нас, что причитается нам по праву!

— Не может быть... — пробормотал Соргий. Лица под маской было не разглядеть, но голос... Не узнать этот сильный, с характер-

ной игрой интонациями голос он просто не мог. Вандей! И слова! Слова в точности те, что были в той дурацкой рукописи... Он им всем такую раздавал: ему, Вордию, и Уни тоже... Но раньше «дворники» никогда не действовали так открыто, тем более здесь, в Вуравии... Его же повяжут — надо что-то делать!

Тем временем Верховный дворник уступил место своему соратнику, который стал взывать к собравшимся, уже исходя из конкретных локальных проблем. Что-то там про налоги, долги и продажных чиновников. Судя по прекрасному владению предметом — местный представитель этой шайки. Зла не хватает!

Слушая вполуха, Соргий стал активно протискиваться к импровизированной трибуне. Теснившиеся вокруг ремесленники, разнорабочие и босяки весьма подозрительно реагировали на одетого в роскошную накидку и широкие шелковые штаны человека, который служил наглядной иллюстрацией образа упомянутого «жирного кота». Но пока в глазах этих людей еще не было открытой ненависти и злобы, пока они еще нехотя, но пропускали его вперед.

— Эй, там! — окликнул Соргий перегородившего проход за телегу громилу. — Главного вашего позови!

Громила не реагировал. Тогда Соргий приподнялся на цыпочках и, смешно вытянув шею, прокричал:

— Слышь, ты, Верховный дворник! Узнал меня? Да пропусти ты, дубина, чтоб тебя!

Наконец ему удалось просочиться внутрь. Глаза Верховного дворника недобро сверкнули из-под маски, и маленький вуравиец уже было подумал, что обознался. Но предводитель смутьянов схватил его за плечи и толкнул в щель между забором и лежащими на земле ящиками.

— Ты что тут делаешь? — спросил он Соргия напряженным шепотом.

Тот вздохнул с облегчением, но потом сразу перешел в атаку:

— Что значит «что»? Я вообще-то здесь живу, в отличие от тебя! А вот что ты здесь забыл и какого Мрака сеешь в моем родном городе эту мерзкую смуту?! Вот об этом я хотел бы тебя спросить!

Вандей быстро огляделся:

— Немедленно возвращайся домой и уезжай из Тампритэнсы!

— Ой-ой, вот делать мне больше нечего, как играть в твои глупые игры!

— Ты ничего не понимаешь! Все очень серьезно. Таких, как ты, будут убивать в первую очередь, и я уже ничем не смогу помочь!

— Да ты совсем рехнулся? Я сейчас даже не буду говорить про Солнечную стражу и городской гарнизон, потому что ватага всего одного из местных «дядьев» порежет тебя и твоих людей раньше, чем ты успеешь моргнуть в полдень, а эта толпа жалких неудачников разбежится после первого же кочурика, запачкавшего мостовую кровью!

— Как знаешь, — сухо ответил Вандей. — Я тебя предупредил. А сейчас прости, но я не могу с тобой долго разговаривать.

— Я тебя тоже предупредил! — огрызнулся в ответ Соргий. — И очень желаю, чтобы тебя повязали как можно раньше, ибо, если ты или твои дружки умудрятся зашибить даже самого мелкого купчишку, все мои знакомства не помогут спасти тебя от последнего слова перед казнью!

Домой Соргий явился в отвратительном расположении духа. И надо же было испортить такой прекрасный день! Немного оттаяв за мидиями и речным угрем работы энеля Турвия, он решил закрепить успех бокалом прекрасного санфонзини — редкого сорта белого вина с виноградников в капоштийской Винцене. Тут в комнату ворвался детский смех, а на его волне — две милые озорницы, Лафения и Сафия.

— Соргий-Соргий, угадай! — хором прокричали они.

Тот замер с куском рыбы во рту в полном замешательстве. Родившихся после его отъезда в Энтеверию близняшек он видел крайне редко и до сих пор не научился толком их различать. Те, разумеется, вовсю этим пользовались: разыгрывать старшего брата стало их любимым домашним развлечением.

— Ну, — в замешательстве выговорил Соргий, безуспешно пытаясь найти различия, — вы прямо как молнии в солнечный день!

Он точно знал, что Лафения более резкая, а Сафия — наоборот, периодически бесит сестру (и не только ее!) своей неторопливостью. Так, вот у этой глаза, кажется, так и бегают...

— Ты Сафия... — осторожно ткнул он столовым прибором, но девочка возмущенно вскрикнула:

— Не делай так больше, нельзя в людей вилкой тыкать!

— Ой, прости! — искренне покаялся Соргий. — Да и похоже, я опять проиграл.

— Проиграл купец в кости весь товар, словно склад его весь спалил пожар! — дружно прокричали проказницы и со смехом умчались прочь.

— Нет, я никогда не научусь их различать! — в отчаянии бросил вилку на стол Соргий. — Энель Рирцамо, энель Рирцамо!

— Слушаю, молодой господин!

Управляющий городской усадьбой семьи Квандо в Тампритэнсе обладал магической способностью почти мгновенно возникать перед глазами, в каком бы помещении просторного дома ни находился. Соргий считал, что это из-за тридцатилетнего опыта работы, однако в глубине души не исключал и причин мистического характера.

— Энель Рирцамо, к моему возвращению подготовьте вечерний прием, на четыре персоны. Мустобримские ароматические свечи, небольшой струнный ансамбль, вино... сладкое... на ваш выбор... Фрукты... Ничего тяжелого. И отправьте от моего имени приглашение трем... нет, перебор — двум гетерам первого ранга. Думаю, Сиатерия и Травантия подойдут, да. Я с ними заранее договаривался, если что.

Управляющий поклонился с той мягкой почтительностью, которая отличает действительно умелого и понимающего слугу.

— Молодой господин, все будет сделано, как вы приказываете. Позвольте также перед вашим возвращением в контору сообщить, что на улице сегодня не совсем благоприятная погода.

— Погода? — насмешливо скривил лицо Соргий. — У нас что, метель под окном, как в Торгендаме?

Энель Рирцамо на миг в смущении опустил глаза, а потом сказал:
— Беспорядки, молодой господин. Чернь взбунтовалась.

Соргий закусил губу. С запозданием он понял, что управляющий использовал иносказание из вежливости, чтобы хозяин своим отказом выйти из дома не дал оснований упрекнуть себя в трусости.

— Помилуй, дружище, какие беспорядки? Был я на этом сборище возле рыночной площади — ничего особенного, одна болтовня!

— Простите, молодой господин, но после вашего возвращения погода, кажется, ухудшилась.

— Да хватит уже с этим! — Соргий на миг резко зажмурился, а потом решительно встал из-за стола и подошел к окну. Там было тихо. Тогда он требовательно спросил:

— Говори прямо: что ты знаешь?

Управляющий, как будто по воздуху, неслышно приблизился к стоявшему в напряжении хозяину и произнес:

— Бухарт, садовник, своими глазами видел, как толпа пошла к Анпируэрни.

— Богатый квартал? Они что, совсем спятили?

— Не знаю, молодой господин. Только они требовали показать какой-то документ...

— Манифест Норея... Бред! Это же подделка!

— Но люди верят, что он существует. И еще они требовали прощения всех долгов и снижения процентов по новым кредитам...

— Да уж, кто бы сомневался!

— Им даже удалось прорвать кордон Солнечной стражи, но у самого квартала, хвала Светилу, разогнали навозников. Говорят, «племяннички» порезали двух или трех из них, а остальные сразу же дали деру.

— Конечно! — сжал кулаки Соргий. — Я же говорил ему...

— К сожалению, это еще не все. Негодяи на улице по-прежнему опасны. Соседу вашему, почтенному Ванпурию Сондо, закидали паланкин гнилыми фруктами. А управляющего его, Ликия, измазали дегтем и велели передать: ночью придут громить почтенных господ, что живут вне пределов Анпируэрни. Вот почему, моло-

дой господин, я сказал вам, что погода на улице сегодня не очень. Остаться бы вам дома...

— Только этого нам не хватало! — с рычащим возмущениемотреагировал Соргий. От волнения он стал энергично крутить на палме верхнюю пуговицу с резным изображением оленя. — Так... так... Открывай тайники, нужно вооружить слуг. Закрыть все ставни, ворота подпереть, ночные дежурства по стражам... Девочек беречь — жизнью отвечаешь!

— Слушаюсь, молодой господин! Но вы же...

— Я должен отлучиться, надеюсь, ненадолго.

— Простите, но это может быть чрезвычайно опасно!

— Ты прав, дружище, но я знаю эту опасность по имени!

* * *

— Я вас спрашиваю, что вообще происходит в моем городе?!

Дракация Нери трясло от возмущения. Он обычно сильно поетел, когда волновался, и сейчас даже самый стойкий капоштийский парфюм не мог заглушить весьма специфический аромат, идущий от самого богатого человека Вуравии.

— Эти навозники должны были поддержать наше выступление против империи, а вместо этого? Вместо этого они кричат: «Долой “жирных котов”!» Мы что, для этого целый год сдавливали петлю на их шеях, нагнетали ненависть к этому мальчишке Кергению?

— Нет, господин.

Члены совета знати выглядели абсолютно беспомощными и потерянными. Примчавшись к своему патрону за защитой при первых же признаках беспорядков, они меньше всего готовы были отвечать на конкретные вопросы относительно положения дел.

— И это все, что вы можете? Где этот слизняк-губернатор? Где префект Тампритэнсы, Мрак его поглотит? Они давно должны были быть здесь и докладывать о мерах по подавлению мятежа!

Грузный, облысевший человек с широким лицом мясника и в расшитых рубинами малиновых одеждах натужно засопел, прокашлялся и наконец выдал:

— Губернатора вроде как в столицу на доклад вызвали, третьего дня еще. Префект ноги лечит, на водах в Сокуэро. Да, и... кхе... бо́льшая часть гарнизона занята на ремонте дорог в провинции, а начальник с офицерами на охоту уехали. Куда — не знаю, но, говорят, будут только через месяц.

— Нет, ну хорошо устроились! — всплеснул руками Нери и обвел взглядом просторную базилику с мраморными колоннами и роскошной мебелью из темного ванкутинского кедра. — А нас здесь за это время всех поубивают, да? Энель Сиарфо! Вы как секретарь совета должны взять на себя обязанность организовать защиту нас и нашей собственности от этих... «дворников»! Откуда они взялись вообще?

Малиновый энель Сиарфо, в очередной раз закашлявшись и скривив лицо от горечи, хлебнул теплого настоя с перцем, одновременно делая не то останавливающий, не то успокаивающий жест правой рукой:

— Была тут у нас кучка горлопанов, пустые людишки... Никто за ними не стоит. Да вы не беспокойтесь, энель Нери, там уже все делается. Большую толпу разогнали, а «племяннички» к ночи кварталы прочешут...

— Какие еще «племяннички»?! — заревел на него патрон. — К вечеру здесь должны быть воинские части! Все, что остались в городе! Я что, за красивые глаза им приплачиваю?! Срочно отправьте гонца в Цитадель — кто у них там исполняющий обязанности? Собрать всю Солнечную стражу с улиц в один кулак, организовать охрану периметра Анпируэрни!

— Слушаюсь, господин! — хрипло ответил энель Сиарфо.

— А может, у императора помощи попросить, коли такое дело? — подал голос кто-то с дальнего конца стола.

— Ну вот еще! — недовольно оскалился Нери. — И что тогда будут стоять все наши планы? Справимся сами! К утру — бунт подавить, головы зачинщиков — на колья у Центрального рынка, в назидание другим!

Получив наконец решительные указания, присутствующие заметно воспряли духом. Некоторые даже стали с оптимизмом по-

глядывать в украшенные резными решетками квадратики окон, за которыми уже не было слышно глухого рева толпы вперемешку с отдельными, особо громкими проклятиями на голову знати. Они еще не знали, что в эту минуту высадившиеся со стороны реки группы неприметных, но умелых бойцов тихо берут под контроль порт, ворота и городские учреждения: суд, почту, крупнейшие храмы и Форум Правды, где скрепляются торговые сделки. Оставшись без начальства и боясь ответственности, временный комендант Цитадели принял типичное для бюрократического герандийского духа решение — забаррикадироваться внутри и «убивать всякого, кто посмеет проникнуть за стены». Однако неведомые люди в коричневом с картой подземных ходов на руках проникли в крепость изнутри, вырезав подчистую загнавших себя в ловушку защитников.

Большинство патрулей Солнечной стражи разбежалось сразу же после того, как бунтовщики смяли их первый заслон. Кто-то даже, поспешно сменив форму на гражданскую одежду, вместе с семьями поспешно покинул город. Забегая вперед: им действительно удалось выжить. Меньше всего повезло тем, кто решил укрыться в центральной управе: «коричневые» впустили их внутрь, а потом отправили вслед за столичным гарнизоном. Уцелеть удалось нескольким десяткам бойцов, несущих караул в оцеплении квартала знати Анпирурни, однако улицы города теперь остались без охраны.

В результате рассеянная недавно толпа стала собираться вновь, но теперь она была многочисленнее и агрессивнее. По волнам этого дышащего ненавистью людского моря качались тела убитых «племянничками» горожан. Их родственники, друзья, соседи и просто случайные, поддавшиеся страшному водовороту прохожие омывали свои лица и руки текущей из ран кровью, взывая к отмщению. С появившихся из портового квартала телег стали раздавать народу оружие и настоянное на горькой траве *фунеда* вино — «для храбрости». А над широкими проспектами Тампритэнсы вместо пространных требований к знати стал звучать только один короткий клич: «Смерть „жирным котам“!»

ГЛАВА 3

В ПОИСКАХ ИЗБРАННОГО

Оркодий Кейрис, Верховный наставник касты воинов, неподвижно стоял напротив Ягуара, занятого крайне важным делом — осмотром своего меча.

— На мече не должно быть изъянов, — медленно, но четко произнес аринцил, внимательно изучая лезвие. — Даже самый малый изъян — смерть!

Оркодий, погруженный до того в свои мысли, медленно поднял глаза и, соглашаясь, с достоинством поклонился.

— Охотников кто убил? — размеренно, даже беспечно спросил господин Ягуар.

— Собственные стрелы стали причиной их гибели.

— Они убили себя сами?

— Это возможно. Не смогли догнать пленников. Это позор. Хуже смерти.

— Или им помогли?

— Пленникам помогли точно. Их единственный путь — к анвиллам.

— Значит, мы их скоро увидим.

Аринцил вытянул руку с мечом вперед и, мгновенно прыгнув в низкую широкую стойку, мощно ударил по дуге вверх, и тут же, резко развернувшись на носках, атаковал в противоположную сторону. В этот раз лезвие прошло почти вплотную к лицу Оркодия. Воздух вокруг угрожающе загудел, однако вирилан не обратил на это никакого внимания.

— Мы выступаем немедленно! — рявкнул аринцил, глядя наставнику прямо в глаза.

— Мы выступаем немедленно, господин, — глухо повторил тот, не отрывая взгляда от пустоты где-то за плечом аринцила, — как только закончим все приготовления и подготовку молодых воинов. — Он сделал короткую паузу, затем продолжил: — Я ваш меч, господин... — Оркодий медленно перевел взгляд на клинок: — На мне не должно быть изъянов.

Ягуар прищурился, пытаясь поймать взгляд вирилана, но очень скоро отказался от этой затеи и взмахом руки отпустил его.

Почтительно поклонившись, Оркодий Кейрис покинул нового лидера касты и направился в свои покои. Он медленно шел по извилистым узким коридорам крепости, в которой все было устроено так, чтобы создать как можно больше трудностей для атакующих. Не зная точного расположения помещений, враг рисковал заблудиться в этом лабиринте с обилием ловушек, бойниц и потайных ходов, по которым защитники могли перебрасывать силы для обстрелов и неожиданных атак из-за угла. Но Оркодий шел уверенно, с чуть прикрытыми глазами, хотя мог бы двигаться вообще вслепую. Крепость была для него живым, дышащим организмом, и сейчас через ее толстые стены он слышал и ощущал тысячи своих воспитанников, тренирующихся, отдыхающих, принимающих пищу и беседующих в многочисленных общих залах и личных комнатах. Они были в прямом смысле его творениями, пустыми сосудами, в которые он заложил собственное содержание, продолжением его разума, воплощенным в живых телах. Про каждого он мог бы сказать наперед, как он поведет себя в той или иной ситуации, что ответит на тот или иной вопрос, какотреагирует на различные события.

Впрочем, не нужно было быть наставником, чтобы уловить тот дух нетерпеливого ожидания, который пронизывал всю обитель касты воинов. Вне зависимости от индивидуальных различий, всех интересовал только один вопрос: когда наконец они выступят в долгожданный поход против ненавистных анвиллов? Когда смогут реализовать то, ради чего родились и тренировались всю жизнь, что является высшей точкой устремлений любого воина, — обретение власти? Ведь способность побеждать, убивать и покрывать есть власть в самом ее полном, естественном проявлении, присущем каждому из них с самого рождения. Этот круг должен наконец замкнуться, и лишь тогда они выполняют свое предназначение.

Войдя в свои покои, Оркодий на мгновение замер. Его разум и тело всегда были настороже, вот и сейчас наставник воинов стоял несокрушимой скалой, готовой отразить атаку с любого направления. Но это было нечто другое. За потайной дверью в восточной стене его кто-то ждал. Оркодий физически ощутил, как камень трется о камень, стена отходит в сторону, образуя узкий, в рост человека, проход. Женщина, появившаяся в комнате, была облачена в длинное свободное одеяние белого цвета, а в правой руке сжимала посох. Оркодий осторожно вынул из ножен меч и, держа его обеими руками, направил острие на незваную гостью.

Отделявшее их расстояние они преодолевали так, словно шли по опасной трясине. Оркодий видел перед собой не человека из крови и плоти, а совокупность механических деталей, взаимное расположение которых создает прочную, непоколебимую структуру. И такую же прочную структуру олицетворял собой сам наставник, без особых усилий добиваясь того, чтобы она сохранялась при каждом шаге, при каждом движении рук, головы, пальцев — всего тренированного, ставшего единым живым оружием тела. Если бы сейчас даже самый титулованный борец имперского цирка с силой уперся Оркодию в плечи, в руки — да куда угодно, то не смог бы не то что остановить его продвижение, но даже слегка поколебать устойчивость его позиции.

То же самое можно было сказать и о его гостье. Женщина держала посох обеими руками вертикально у правого виска, однако в двух шагах от Оркодия она быстро, но плавно опустилась на правое колено. Ее оружие, словно падающая сосна, описало дугу и со стуком легло на пол по диагонали между ней и наставником. Тот, опустив руки и шагнув назад, ушел из-под удара, затем осторожно опустился и положил меч параллельно шести.

— Оркодий Кейрис, с почтением и благоговением вижу вас и приветствую вашу силу! — произнесла женщина, вежливо склоняя голову.

— Найтия Ворен, с почтением и благоговением вижу вас и приветствую вашу мудрость! — ответил наставник воинов.

Поднявшись, оба разместили оружие на специальных стойках вдоль стены и плавно опустились на деревянные стулья с резными высокими спинками.

Некоторое время оба вирилана сидели молча, однако это не было той очевидной формой борьбы характеров, которая так распространена среди склонных к насилию людей и состоит в стремлении подавить взглядом волю оппонента. И воин, и представительница анвиллов смотрели каждый куда-то внутрь себя, однако вместе они образовывали тот вид особого духовного единства, который возникает при общении хорошо знающих друг друга людей. Между ними словно происходил незримый, но полный смысла разговор, в котором даже самые неприметные на первый взгляд детали вроде мелкой мимики, пульсирующей артерии или ритма дыхания отсылали к образам особого языка, понятного лишь живущему в той же смысловой вселенной.

— Я ждал вас, но вы пришли еще раньше.

— Я позже узнала об изменениях.

— Я вижу в этом особый смысл. Если события меняют направление, последний становится первым.

— Именно поэтому я здесь.

— Да. Прошу вас, — Оркодий вежливо склонил голову.

— К нам прибыл посол, — произнесла женщина. Ее голос прозвучал неожиданно звонко. — Могу ли я предположить, что вы...

Она сделала приглашающую паузу.

— Да, — снова поклонился наставник воинов. — Несомненно, вы знаете. Я рад, что могу подтвердить вам это лично.

Он на мгновение прикрыл глаза.

— Я убедился: он несет послание. Теперь в этом нет никаких сомнений.

По лицу женщины словно прошел еле заметный ветерок. Мелкие мышцы на скулах чуть напряглись, ее взгляд стал острее и печальнее одновременно.

— Мы все ждали этого, — произнес воин, сделав намеренный акцент на втором слове. Он чуть отвел взгляд в сторону, а его голос стал ощутимо тише.

— Благодарю вас, — сказала Найтия почти шепотом.

— Вы ведь знаете, что в послании? — спросил ее Оркодий, возвращая взгляд к собеседнице.

— Полагаю, что да, — произнесла та уже своим обычным голосом.

— В таком случае вы позволите мне озвучить?..

— Прошу вас, — еле заметно, но с почтением кивнула Найтия Ворен.

— Все мы знаем о послании и о том, в чем оно заключается. Дело в том, что ничего из этого не знает сам посол.

— Включая то, что он посол, — аккуратно, с расстановкой произнесла женщина.

— Вы абсолютно правы, — согласился с ней Оркодий Кейрис. — Послание — это существующий текст, и от того, что он не высказан, он не перестает управлять реальностью.

— И тем, кто его должен произнести.

— Вы полагаете, что... он предусмотрел это?

Найтия Ворен внимательно посмотрела на воина и сказала:

— Я полагаю, что самое правильное сейчас — следовать обычному порядку вещей. Именно это в итоге лежит в основе любого, даже самого необычного... замысла.

— Вы, безусловно, правы, — согласился Оркодий. — Но проблема в том, что обычный порядок уже был изменен...

— ... с появлением аринцила, вы полагаете?

— Именно так.

— В этом случае он тоже часть замысла.

— Он знает про печать Пятого царства. Он знает многое, и это было ему дано. Я спрашиваю себя: кем, от кого?

Найтия Ворен чуть заметно откинула голову назад:

— Ваш вопрос рождает и ответ на него. Если он знает про печать, значит, он ее получит. Так и должно быть.

— Безусловно, — почтительно сомкнул веки Оркодий. — Вы позволите угостить вас...

— У меня есть прекрасный чай.

— Водой в таком случае.

Налив из бронзового кувшина воду в небольшой округлый сосуд, наставник воинов осторожно установил его на маленький треножник между собой и гостьей. Найтия Ворен, еле заметно вытянув руки, обхватила сосуд ладонями и чуть прикрыла глаза. Через короткое время сосуд едва ощутимо загудел, а стенки его задрожали.

— Насколько я помню, ваш прекрасный чай не требует доведения воды до кипения.

— Вы правы, — мягко произнесла женщина и едва заметно убрала ладони. — Хотя я слышала, что это правило было введено, чтобы не обжечься.

— Вот оно как! — медленно покачал головой Оркодий.

В его руках появилась небольшая деревянная лопатка. Найтия Ворен, подняв на уровень глаз небольшой мешочек из плотной грубой ткани, начала медленно высыпать его содержимое. Наставник, не меняясь в лице, стал вращать лопаткой с такой невообразимой скоростью, что сушеные чаинки образовали в воздухе маленький ураган — словно ввинчивались в горячую воду. По комнате мгновенно разнесся свежий, проясняющий ум запах горных трав.

— В древности говорили: если разделишь запах чая из одного сосуда, то пить его уже необязательно, — слегка подняв уголки рта,

произнес воин. — Тем не менее позвольте предложить вам хотя бы глоток как символ вершины восприятия этого утонченного аромата.

— Только вместе с вами, Оркодий Кейрис, — повернув голову и чуть подняв брови, ответила Найтия Ворен.

Медленно подняв обеими руками маленькие чашечки из бежевой, покрытой мелкой сеткой трещин керамики, они неспешно осушили их.

— Вы собираетесь атаковать нас, — спокойно произнесла Найтия Ворен.

— Сочту за честь, — почтительно согласился Кейрис.

— Жаждет ли аринцил крови анвиллов?

— Он готов истребить всех. Лично.

— Я нахожу это... очевидным, но вряд ли это в естественной природе вещей. Это наши дела. Правильным ли будет позволить чужаку пытаться убить вириланов?

Оркодий Кейрис на мгновение погрузил взгляд глубоко в себя.

— Я вижу, вы уже думали об этом, — продолжила Найтия Ворен. — И судя по всему, нашли ему пару для поединка. Среди других чужеземцев.

— Может ли один конь войти в двое ворот? — задумчиво проговорил наставник воинов. И тут же ответил сам себе: — Может, если это два коня, но для кого-то они лишь части целого.

— Он послал сюда их обоих, — тихо проговорила Найтия Ворен. — Наш посол и есть два коня. И только обретя единство, он сможет озвучить свое послание.

— Для этого придется допустить его в Древнюю столицу.

— Мы не сможем избежать того, что действительно произойдет, — ответила женщина.

— Вам понадобится время на его подготовку.

— Полагаю, вы уже обо всем договорились с вашим новым повелителем.

— Вы, как всегда, правы, Натайниш Ворен, — склоняясь в поклоне, уважительно произнес Кейрис. — Уверен, что и вы тоже уже все решили.

Наставник аккуратно опустил чашку на маленький столик справа.

— Возможно, вам будет интересно знать еще кое-что, — произнесла женщина. Она чуть наклонила голову к собеседнику и оттого приобрела заговорщицкий вид. — Через некоторое время вслед за мной, вероятно, придет еще один гость.

Мужчина выпрямился, подав подбородок вперед.

— Вы хотите сказать, что кто-то из чужаков добровольно осмелится вернуться в это место?

— Я хочу сказать, Оркодий Кейрис, что ощутила в одном из членов посольства тот же дух смерти, что и в ваших подопечных. Как показал нам всем аринцил, подобное всегда тянется к подобному.

Оркодий какое-то время внимательно смотрел на собеседницу, а затем молча кивнул.

— Сегодня мы исчерпали то, что хотели сказать, и несказанное тоже. Полагаю, единственное, что осталось нам теперь, — найти друг друга на поле сражения, — после небольшой паузы подвела черту Натайниш Ворен.

* * *

— Простите, но я не вполне понимаю, что она имеет в виду.

Посол Санери выглядел обескураженным тем, что услышал от своего переводчика. Крепкий сон в чудесном воздухе горных лесов прошлой ночью настолько успокоил его сознание, что сейчас он оказался совершенно не готовым к такому повороту событий и лишь ничтожной частью разума по-детски верил, что все дело лишь в неправильном толковании прозвучавшей из уст Онелии Лерис фразы. Впрочем, Унизель Вирандо тут же разрушил эту хрупкую иллюзию:

— Она имеет в виду, энель посол, что Натайниш Ворен покинула обитель и на время ее отсутствия мы можем обсудить все необходимые вопросы с...

— Да понял я! — неожиданно взорвался Санери, но тут же взял себя в руки. — Скажите мне, энель Вирандо, нет, лучше спросите

уважаемую Онелию, какого демона Мрака нам сдалось обсуждать все это с ней, если нам нужно попасть к руководству анвиллов? Про демона Мрака можете опустить, — добавил он после короткой паузы.

— Разумеется, — с достоинством ответил Уни. По правде говоря, он и так не знал, как по-вирилански будет «демон». — Онелия Лерис говорит, что она тоже анвилл, так что нет никакой разницы, кому именно мы передадим наше сообщение.

— Да они издеваются! — с подавленной яростью вскипел энель Стифрано. — Если она тоже анвилл, то какого демона Мрака..

— Это уже было, — тихо усмехнулся Уни.

— ... мы плелись по этим треклятым горам, Мрак их поглотит? Чтобы тут ломать комедию, как шуты дешевого бродячего театра?!

— Госпожа Онелия понимает, что порядок событий может показаться нам странным, однако уверяет, что на желаемом нами результате это отразится только в лучшую сторону. — Уни кашлянул, прочистив горло. — Она также добавляет, что сейчас говорит с нами не от своего имени, а от имени всех анвиллов, так что, если у нас есть желание сообщить ей нечто важное, то она... открыта для восприятия.

Члены посольства хмуро переглянулись.

— Видимо, они хотят нас еще и унижить, — тихо, глядя в пол, проворчал Богемо. — Иначе зачем она заставляет нас повторять то, что и так прекрасно знает.

— Это вряд ли, энель Богемо. — Уни все-таки услышал его. — Думаю, здесь все дело в приверженности вириланов неким ритуалам. Энель Санери, — обратился он уже к послу, — если не возражаете, я вкратце повторю ей то, что знаю, включая нашу просьбу.

Посол молча кивнул.

— Мы хотим сообщить, что воины готовятся истребить всех анвиллов, — спокойно глядя Онелии в глаза, сказал Уни. — В обмен на эту важную информацию, полученную из достоверных источников, мы просим вашего содействия в получении аудиенции у императора вириланов.

Целительница почтительно поклонилась членам посольства и чистым, немного певучим голосом произнесла несколько коротких фраз.

— Она сказала, что наша просьба будет исполнена, — перевел Уни.

— Ну наконец-то! — с облегчением выдохнул Санери. — Могу ли я узнать, когда именно?

— Она сказала, что все это произойдет после того, как угроза мятежа воинов будет устранена, ибо в противном случае...

— Да мы поняли! — перебил переводчика Санери. — Похоже, — обратился он к Стифрано, — нам какое-то время придется выждать.

— Я не уверен, энель посол, что все ограничится только этим, — осторожно заметил Уни, продолжая внимать тому, что говорила Онелия.

— Что значит «не ограничится»? — голосом, похожим на туго натянутую струну, осведомился посол. — Прошу напомнить нашей уважаемой собеседнице, что мы дипломатическая миссия, поэтому не имеем права, да и не можем, вмешиваться в их гражданскую войну. Поясните ей, Уни, что дипломаты в принципе не могут кого-либо убивать, равно как и содействовать этому, разве что в целях сохранения собственных жизней.

— Онелия говорит, что от нас не потребуются убивать вириланов. От нас нужна другая помощь. Все мы видели, что воинов теперь ведет Ягуар, этот пришлый аринцил. Вириланы не хотят, чтобы чужак убил кого-либо из них. В их представлении это нарушение гармонии. Поэтому они просят, чтобы перед решающим сражением представитель нашего посольства, тоже не из этой земли, сразился с Ягуаром в ритуальном поединке и таким образом не допустил нарушения равновесия.

Повисла напряженная тишина.

— Они что, с ума сошли? Это неприемлемо! — наконец произнес Санери решительно. — Мы дипломаты и не имеем права сражаться! Ягуар — представитель своего народа, с которым у нас и так сложные отношения. Если кто-то из нас, да еще и официальный

представитель императора, будет биться с ним, это незамедлительно приведет к войне!

— Если он останется жив.

— А если нет? Если он выиграет?

— Тогда для нас это уже не будет иметь никакого значения.

Аринцилы — враги и герандийцев, и анвиллов. Если анвиллы будут уничтожены, то герандийцы будут следующие. Война, о которой вы говорите, энель посол, уже началась. Аринцилы уже напали на нас. Точнее, готовятся это сделать. Ваше, то есть наше, посольство на острие этой атаки. Поэтому поединок — всего лишь реализация права посольства на самооборону. Онелия просит нас рассматривать это как борьбу за наши жизни.

— Похоже, они не оставляют нам другого выбора, — хмыкнул Стифрано. В отличие от Санери, его скорее радовала, нежели пугала перспектива грядущей схватки. — Энель посол, если мы теперь и правда в одной лодке, я готов биться с этим бешеным аринцилом. А Хардо может заняться подготовкой местного ополчения. Судя по тому, как организована охрана монастыря, у этих анвиллов вообще большие проблемы с боеготовностью.

— Думаю, будет лучше наоборот, — задумчиво произнес Санери, пытаясь мыслить практично, что демонстрировало его принятие новых обстоятельств. — При всем уважении, энель Стифрано, но у Хардо больше военного опыта. К тому же, имея ваш ранг, скакать с мечом перед строем — не самое достойное занятие.

— Ну вы же, энель Санери, очень даже ничего скакали в крепости перед этим аринцилом! — заухмылялся Стифрано.

Посол тонко улыбнулся:

— Ну что же, значит, договорились. Энель Хардо, возражений нет?

Тот невозмутимо пожал плечами: «Командир сказал: „В гроб“, значит — в гроб».

— Замечательно! Энель Вирандо, переведите Онелии, что с Ягуаром сразится начальник охраны посольства, энель Рапурий Хардо. В свою очередь, второй посол Алеций Стифрано готов оказать сильную помощь в обучении анвиллов военному делу.

— Да! Я сделаю из них если не настоящих солдат, то по крайней мере очень жесткое мясо, которое воинам может оказаться не по зубам! — возбужденно заурчал Стифрано. — Спроси эту девочку, сколько у нас есть времени до атаки.

Уни недовольно поморщился, но все же повернулся к Онелии и с расстановкой перевел все изложенное — в максимально корректной, почтительной форме. Целительница внимательно выслушала его и тут же ответила своим плавным, успокаивающим голосом.

Уни, поперхнувшись, зашелся сухим кашлем. Но даже когда приступ прекратился, взгляд его оставался ошалелым и рассеянным. Он о чем-то переспросил Онелию, и та медленно, чуть ли не с улыбкой, кивнула.

— Хм. Что-то не так, энель Вирандо? — тихонько поинтересовался посол. — Они, в смысле она, с чем-то не согласны?

— Она сказала, — срывающимся голосом начал Уни, — что сражаться с аринцилом предстоит мне.

Посол Санери застыл с чуть приоткрытым ртом, а энель Стифрано нервно присвистнул.

— Это что, шутка? — еле слышно спросил энель Богемо. — Его же...

— Ага, в землю вобьют, как сваю, — дал образный прогноз развития событий второй посол.

— Она говорит, — упавшим голосом продолжил Уни, — что это совокупный выбор анвиллов и касты воинов.

— Какой еще выбор?! — вскочил с места Стифрано. — Они же никого из нас толком не знают. С какой стати ты должен идти на верную смерть? Клянусь Светилом, это уже через край! Энель посол, мы не будем в этом участвовать!

Уни смотрел на Онелию жалобным взглядом униженного просителя. Ему казалось, что произошла страшная ошибка и девушка вот-вот спасет его, скажет, что все совсем не так, что он просто неправильно ее понял... Но нет, Онелия смотрела на него с тем же вежливым и потому убийственным спокойствием.

— Но почему я? — прошептал ссохшимися губами Уни. — Я же не воин... Я могу отказаться? Что будет, если я откажусь?

— Это единственный путь к успеху вашего посольства, — сообщила Онелия. — Ответьте себе: чего вы хотите и что готовы сделать ради этого?

— А есть ли кто-то другой, а? Да-да, я понимаю. Я согласен, — как во сне выдавил из себя Уни.

Он не понял, что сейчас произнес и какие будут последствия, но юноша понимал одно: другого ответа он дать просто не мог.

— Подождите-подождите! — собрался с мыслями посол Санери. — Госпожа Онелия, вы сказали «совокупная воля анвиллов и касты воинов»? Но позвольте: откуда вы знаете, что думают воины? Мы ведь только вчера вечером прибыли в эту обитель, а до них — сколько дней пути!

— Найтия Ворен отправилась в крепость воинов, чтобы обо всем договориться, — ответила послу устами Уни Онелия.

— То есть как это отправилась? — оторопел посол. — Она же вернется только через две, ну, ладно, полторы недели. Значит, еще никто ни о чем не договорился. Вы, госпожа Онелия, либо лукавите, да простит меня Пресветлый владыка, либо путаете причину со следствием!

— У нас как раз будут эти две недели, чтобы подготовить Уни-зеля Вирандо к грядущему поединку, — ответила ему Онелия. — И еще пара недель, пока армия воинов дойдет до стен Древней столицы. Там мы их и встретим. Что касается причины и следствия, уважаемый Санери... — Девушка бросила взгляд на Уни, потом опять на посла. — Вряд ли слова откроют истину, так что просто поверьте: разница между ними иногда бывает гораздо большей иллюзией, чем вы можете себе представить.

— Ладно, — сухо отреагировал посол. Ему явно не хотелось влезать в эту философскую дискуссию. — Энель Стифрано, раз уж такое дело, то, полагаю, вам лучше сперва заняться подготовкой энеля Вирандо. Хотя... А-ах, да чего уж там!

— Ну уж нет! — мгновенно отреагировал Уни, но тут же вернул себе интонацию поприличнее. — Энель посол, энель второй посол однажды меня уже чуть не убил, если вы помните...

— Да какая разница? — цинично прошептал доктор Аслепи. — Вирандо и так покойник! Лучше уж потратить время на тренировку их ополчения..

— Благодарю вас, энель Аслепи! — желчно произнес Уни. Сердце его стремительно забилося, а затылок похолодел, словно юноша вышел с мокрой головой в суровую зимнюю ночь. — Век не забуду вашей доброты!

— А что такого? — легонько наклонившись к послу, пробормотал энель Богемо. — Пусть лучше погибнет один из нас, чем все посольство. Мы ведь тут все степенные, уважаемые люди, а энель Вирандо в сущности..

— Я его обучу! — непреклонно произнес Рапурий Хардо, шагнув вперед и положив массивную ладонь на покатое плечо переводчика. — Сделаю, что смогу. Все, что смогу!

Онелия наблюдала за общением имперцев с аккуратным, вежливым интересом. Заметив это, Уни со стыдом вспомнил о правилах этикета и перевел для нее суть обсуждаемых вопросов.

— Для членов посольства выделен дом в поселении Хоринвейл, недалеко от нашей обители, — произнесла целительница. — Позже вы получите возможность вновь вернуться сюда. Что же касается Унизеля Вирандо, то он останется с нами, пока не будет готов.

— Но вы же не воины! — даже привстал от возбуждения священник Нафази. — Как вы сможете подготовить его к схватке с этим демоном-аринцилом? Я знаю, — патетически затряс он лохматой седой головой, — вы сделаете из него кровавую жертву для своих темных языческих богов!

— Энель Нафази! — с усталым раздражением крикнул Уни. Ему тоже пришла мысль, что все это начинает напоминать древний ритуал, в котором его торжественно, со всеми причитающимися почестями убьет жестокий Ягуар во имя сохранения гармонии и равновесия в извращенном сознании местного населения. И тем не менее юноше было сейчас стыдно за посольского священника, точнее, за непонимание им особенностей текущей ситуации и жалкие попытки повернуть вспять уже развивающиеся события.

— В кои-то веки согласен со служителем Светила, — усмеялся Стиффрано. — Не удивлюсь, если этот Ягуар — один из лучших клинков земли аринцилов. Как вы собираетесь сделать из Уни что-то большее, чем кролика ему на обед? Он же меч-то в руках держать... — второй посол запнулся, вспомнив о схватках в крепости воинов. — Хотя... Мрак его знает! Тут столько всего случилось...

— Вот именно... — шепотом, но очень удовлетворенно, с нажимом произнес торговый посланник. Казалось, будто он сильно переживает, что в последнюю секунду вирилены могут передумать и в роли «жертвы» окажется, не дай сгореть Светило, он сам.

— А вот я полагаю, что все идет, как тому положено! — неожиданно озвучил мысли, которые крутились в голове у Богемо, до того мрачно молчавший, а потому такой незаметный секретарь посольства Гроки. — Если смерть переводчика — та цена, которую нам надо заплатить за успех миссии...

— Энель Гроки, вы вообще понимаете, что говорите? — бархатистым голосом, но несколько раздраженно спросил Нафази. — Если мы лишимся переводчика, то о каком успехе тут вообще можно говорить?

Гроки не успел ответить на реплику священника, поскольку Онелия тихо произнесла несколько фраз:

— Любая техника в поединке есть лишь лодка на водной глади. Без лодки нам трудно плыть, однако без воды плыть просто невозможно. Вода в данном случае — это дух воина, то, что у него внутри. Этому нельзя научить, но это можно разбудить у тех, у кого оно уже есть. Что же касается жертвы... — Онелия сделала паузу, на миг опустив глаза, будто слова давались ей с трудом. — Когда вы создаете нечто новое, часть старого всегда должна уйти. Жертва, безусловно, будет иметь место, но это совсем не то, о чем сейчас думает каждый из вас.

— Она что, умеет читать мысли? — неудачно попытался пошутить Стиффрано, когда члены посольства расходились по своим комнатам. — А ты, брат, держись! — обратился он к Уни, который выглядел потерянным. — Не знаю, что они там собираются с тобой

делать, но, клянусь Вратами Утренней зари, не хотел бы я оказаться на твоём месте!

* * *

— Я знаю тебя, — произнес господин Ягуар, глядя на пленника. Это был мужчина в буром плаще, скрывавшем его телосложение.

— Он был среди герандийского посольства, — аккуратно шагнув вперед, деликатно напомнил Оркодий Кейрис.

— Да, — с презрением бросил аринцил. — Он пришел сам?

— Так, господин.

Ягуар перевел взгляд на незваного гостя. Тот был на удивление спокоен, словно его совершенно не интересовала собственная участь.

— Зачем ты здесь?

— Потому что ты один способен понимать меня, — с легкой усмешкой проговорил имперец.

Ответ не очень понравился аринцилу, но он не показал этого ни одним мускулом.

— Ты предатель? — холодно и отстраненно спросил он пленника.

— Я служу своему господину, — пожав плечами, ответил тот.

— И чего же хочет твой господин?

— Мой господин... — имперец сделал многозначительную паузу и продолжил: — ...желает, чтобы посольство потерпело неудачу.

Аринцил задрал мощный нос кверху, отчего стал похож на оскалившегося хищного попугая.

— Мне нет дела до вашего посольства. Очень скоро вы умрете. Все до единого.

— Я думаю, — спокойно произнес пленник, — нет, я знаю, что в первую очередь вы заинтересованы в смерти одного из нас.

Аринцил утробно зарычал: ему уже сложно было сдерживать накопившуюся внутри злобу.

— Это так, — чуть ли не скрипя зубами, произнес он, сохраняя при этом предельно ровную интонацию. На мгновение опустил

взгляд, он мрачно посмотрел на Оркодия. Тот шагнул назад и вежливо поклонился.

— Эта глупая затея — оскорбление для меня, но ведь и охотник, лова крокодила, нанизывает на крюк мясо, а не банан.

— Я могу помочь вам в этом, — глухо, словно в пустоту, продолжил свою мысль имперец. — Ваш противник, мальчишка Вирандо, по уши влюблен в местную целительницу, Онелию... Лерис. Убейте ее, убейте ее у него на глазах, и его дух перед поединком будет сломлен.

Оркодий Кейрис медленно повернул голову в сторону Ягуара.

— Ты думаешь, что способен оскорбить меня более, чем этот нелепый поединок? — вкрадчиво спросил аринцил. Его голос звучал спокойно, но глаза стали мутными, словно под воздействием травы *кангацли*.

— Ты аринцил и знаешь, что даже самые сильные — всего лишь игрушки в руках бога воинской удачи. Твоя репутация будет на кону, а воины не прощают даже самых мелких ошибок. За время нашего посольства я уже несколько раз пытался устранить Уни, но нелепые случайности все время портили мои планы. Зачем рисковать всем на глазах своих людей, когда можно подготовить победу заранее?

Аринцил оглядел стоящих рядом представителей касты воинов. Они не понимали смысла разговора и всем своим видом демонстрировали сходство с каменными столбами.

— Ты! — обратился Ягуар к наставнику воинов. — Пусть уходит!

Оркодий Кейрис кивком отдал приказ.

— И вслед за ним — все, кроме тебя.

Оставшись одни в огромном зале, наставник и аринцил долго пребывали в полной тишине.

— Ты знаешь такую, Онелию Лерис? — глядя в пустоту, спросил наконец Ягуар.

— Целительница из анвиллов, очень хороша, часто помогает нам, — с готовностью ответил Оркодий Кейрис. — Наши воины относятся к ней с большим уважением.

— Вот как... — задумчиво произнес аринцил, и на его губах заиграла надменная улыбка. — Она лечила раненых и больных и вы благодарны ей за это?

— Именно так, господин, — с поклоном подтвердил Оркодий.

— Прекрасно, — глухо сказал Ягуар. — Я хочу, чтобы вы принесли мне ее голову. Я покажу ее моему противнику перед поединком.

Он бросил на собеседника острый, выжидательный взгляд.

— Мой господин, — произнес Оркодий, умиротворенно принимая взгляд аринцила. — На вашем клинке не может быть изъяна. Я пошлю на задание лучших воинов.

Вернувшись к себе в покои, наставник некоторое время в одиночестве пил чай. Его глаза были задумчивыми и добрыми, что несколько не соответствовало тому образу, который сложился у хорошо знающих его людей. Наконец, с сожалением оторвавшись от своего занятия, он дернул за шелковый шнур, висевший в не приметной боковой нише.

— Вы звали меня, наставник...

Вошел Саймейвин Аферий, двадцатилетний рослый богатырь с большими карими глазами и огромными кулаками. Ближайший доверенный помощник Оркодия и его лучший ученик.

— Присядь, Саймейвин. Хочешь чаю?

— О, благодарю вас, наставник!

Слегка опешивший от такой неожиданной чести, молодой человек осторожно взял чашку двумя руками, почтительно поднес ее ко лбу и только потом сделал два небольших, едва заметных глотка.

Оркодий смотрел на него слегка насупленно, но за этой маской проглядывала странная смесь сомнения и грусти.

— Ты помнишь переводчика из этого... посольства? Белобрысый, небольшого роста?

— Конечно, наставник, — ответил Саймейвин, аккуратно опуская чашку на столик. — Он еще сохранил жизнь этому дурачку Телейцину...

— Да, он самый, — прервал его Оркодий.

— Простите, наставник! — резко вскочил и выпрямился Саймейвин. — Что я должен сделать?

— Взять воинов своего десятка, по три заводные лошади на каждого и ветром скакать в обитель Стройного Ясеня. Там найти этого Унизеля Вирандо...

— Слушаюсь, наставник, я сделаю то, что не смогли следопыты, и убью его!

Оркодий на мгновение прикрыл глаза.

— Нет. Где-то рядом будет целительница Онелия Лерис. Ты прикончишь ее у него на глазах. Не сразу, пусть проникнется этим полностью. Голову принесешь мне.

По лицу Саймейвина пробежала легкая тень, но он тут же решительно ее сбросил.

— Они все равно погибнут, Саймейвин, а так тебе предоставляется возможность лично убить одного из лучших анвиллов.

— Повинуюсь, наставник! Должен ли я убить и Натайниш Ворен, настоятельницу монастыря? И что делать с посольством и другими людьми в обители?

— Твоя цель определена. Больше никого трогать не нужно. Но какой бы приказ тебе ни пришлось выполнять, помни, чему я учил тебя, мальчик. Помни о чести воина!

— Будет сделано, наставник!

После того как Саймейвин вышел, Оркодий еще какое-то время задумчиво смотрел на дверь, маленькими глотками прихлебывая чай. Он очень любил именно этот сорт — букет из сорока редких горных трав. Натайниш Ворен знала об этой его маленькой слабости, и он был благодарен ей за столь приятный маленький знак внимания.

ГЛАВА 4

СОРГИЙ КВАНДО РЕШАЕТ ПРОБЛЕМЫ

Соргий Квандо медленно шел по проспекту Тысячи Радостей, пытаясь разобраться, что вообще происходит в городе. Обычно многолюдные по вечерам улицы были почти пусты, лавки закрыты, и даже увеселительные заведения прекратили работу. Видимой причины для этого не было, но в воздухе тревожной паутиной настроженных ожиданий висел страх. Его питал отдаленный шум толпы и странный гул, доносившийся со стороны квартала богачей Анпируэрни. От восточных ворот тоже слышались крики — там в основном располагались бедные районы.

«Ох, не нравится мне это!» — подумал Соргий.

Несколько раз мимо него проходили компании подозрительных людей, но предусмотрительно надетая серая рубаша и бурая накидка простолюдина в который раз спасали торговца от возможных проблем.

Небольшая стайка подростков — человек пять-семь — подбежала к воротам явно зажиточного дома и, пугливо озираясь, закидала

их тухлыми яйцами. Соргий зажал нос и выругался. Увидев его, молодежь кинулась врассыпную.

«Тоже мне, погромщики!» — усмехнулся тот.

В районе Центрального рынка, куда Соргий направился в первую очередь, было гораздо оживленнее. Народ чем только ни занимался: упражнялся с неизвестно откуда взятым оружием, жег костры, наслаждался едой с выпивкой и просто бойко беседовал на интересные темы: «Чего сидим? Айда по дворам богатеев!», «“Желтых” всех перебили, бояться нечего!» и особенно «Из долговых свитков костер большой соорудить и Дракация на нем сжечь!». Впрочем, дальше тостов дело пока не шло, и вообще, все выглядели мирно. По обрывкам фраз можно было догадаться, что их более решительные собратья сейчас штурмуют Анпируэрни, где засели охраняемые «племянничками» и остатками «желтых» представители знати, но пока не особо успешно.

— Да ты что, нет! — закатив глаза, вальяжно усмехнулся здоровый бородатый мужик в неполном доспехе, снятом, судя по всему, с кого-то из Солнечной стражи. — Верховного дворника здесь давно нет, у нас тут... — мужик задумался, подыскивая нужное слово.

— Резерв? — пришел ему на помощь Соргий.

— Да! — с легким придыханием ответил бородач. — Да-да. Записываться будешь? Давай, у нас тут весело!

— Где мне найти его? — с легким нажимом спросил Квандо.

— Так известно где — в Анпируэрни!

Быстро кивнув, Соргий двинулся прочь. Бородач что-то кричал ему вдогонку, но он уже не слушал.

По мере приближения к богатому кварталу ситуация ухудшалась прямо на глазах. Группа весьма brutальных людей, выбив дверь, ворвалась в магазин украшений Лоно Тимия на первом этаже его дома. Два угрюмых мордovorота с дубинками остались сторожить возле входа. Встретившись с ними взглядами, Соргий вздрогнул, однако тут подошла еще одна свора, вооруженная ножами, палками и даже неким подобием флага на шесте.

— Куда прешь? Занято! — рявкнул на них один из громил.

— Мы «Банда из-под моста»! Тимий нам денег должен! — надменно произнес предводитель вновь прибывших. Он держал короткий изогнутый меч.

— Идите лесом, нас много! — огрызнулся второй громила у входа, оглядываясь через плечо. Но волновала его, судя по всему, не столько возможная схватка с конкурентами, сколько перспектива остаться ни с чем при разделе добычи.

— А может, вон туда? — предложил лидеру знаменосец и ткнул флагом на соседнюю лавку с изображением тканей на вывеске.

— Вперед! — тут же сориентировался тот.

— Ну, скоты! — прошептал Соргий и быстро двинулся дальше. Обычно некроважный, сейчас он стал в красках представлять, как чуть ли не лично обрубает руки этим подонкам. И откуда столько мути повылезало? Они что, душегубов из тюрем выпустили? Не приведи Светило! Но где же тогда власти, где войска и Солнечная стража? Хотя, с другой стороны, город-то большой, сразу везде не поспеешь...

— Эй, стоять! Стоять, тебе говорю, сморчок!

Соргий уже почти дошел на Анпируэрни, когда его перехватила группа одетых в черные плащи и туники бритых людей, вооруженных кинжалами, дубинками и короткими топориками.

— Какой я тебе сморчок, семя осла! — ответил Соргий их предводителю грязным ругательством вуравийских купцов. — Одно мое слово — и Верховный дворник вас на ремни порежет! Ведите немедленно меня к нему!

Мордovorоты аж поперхнулись от неожиданности.

— Верховный дворник? — с приторной улыбкой повторил главарь. — Так ты знаком с ним? Зачем он тебе нужен?

— Он мне как брат! — надменно ответил Соргий. — А сейчас у меня для него ценная информация. Проводите меня сейчас же!

— Конечно-конечно, господин! — спешно поклонился усатый предводитель, а потом вдруг резко ударил Соргия в подбородок. Кладнув зубами, он тряпичной куклой осел на мостовую. Громилы проделали ему сзади через локти длинную палку, подвязали к ней

ноги, чтобы не волочились, и быстро понесли добычу через темные переулки.

От сильной боли в плечах маленький вуравиец скоро очнулся и издал протяжный крик, который тут же пресекли вонючей тряпкой. Ощущение чего-то грубого, инородного во рту, пребывающего там помимо твоей воли, настолько шокировало, что Соргий впал в оцепенение.

Его бросили на землю возле обшарпанного дома. Это был уже другой район, но несчастному пленному было не до этого: плечи отдыхают — вот что здорово!

— Так, у нас все уже! — раздался откуда-то сверху грубый голос.

Подняв голову, Соргий увидел, как его похитители обсуждают что-то с предводителем другого такого же отряда.

Из открытой двери напротив раздался женский крик, а потом звук ударов.

— Ну, щас я тебя, тварь!

Разговаривавший с пленившим его громилой человек сделал извинительный жест рукой и, войдя на порог, резко гаркнул внутрь:

— Ты что, охренел, Саделий? Товар мне портить... Давай ее сюда!

Кудрявый, с масляными глазами Саделий выволок из дома за волосы молодую женщину. Та яростно упиралась, бешено мотая головой и хаотично размахивая руками. Человек в кожанке цыкнул языком и покачал головой:

— Ой, дурень... Смотри, как надо!

Враз оказавшись подле женщины, он заломил ей кисть наружу и влепил наотмашь две звонкие пощечины. Та закачалась, широко раскрыла рот и, громко дыша, застыла с остекленевшими глазами. Ее тут же толкнули к соседней лавке.

Только сейчас Соргий увидел там еще с десяток-другой пленных, судя по одежде — из бедных кварталов.

— В порт нельзя сейчас, — сказал главарь похитивших Соргия людей.

— Да знаю я! — ответил второй. — На склады к Себранию их! Давай!

— Ну ты и развернулся! — засмеялся усатый. — Вместо того чтобы зачищать навозников, их семьи в неволю забираешь!

— Я деловой человек, Фондо! Это навозники на сталь лезут, им терять нечего! Пусть с ними армия разбирается, мне во Мрак еще рано! А вот сделать немножко денежек — это никогда не рано и не поздно!

— Ну так кто же спорит! Слышал, что мустобримцы говорят? Рабы ближе всех к Богу!

— Нет, рабство — лучший способ познать Бога! — поправил его собеседник, и оба загоготали.

У Соргия все похолодело внутри. Так глупо себя подставить — это надо уметь! Взять и выболтать «племянничкам» про дружбу с Верховным дворником... Как теперь из такого выкрутиться?

— А с этим что?

— Лазутчик навозников. Шел к их главному, собачье дерьмо! На нас стучать!

— О как! Во дворец его надо... Так давай его мне, а ты...

— Ага, разбежался мордой об забор! За него же сотни три запросить можно, если не больше! Приятель он свойский этого «дворника». Нет уж, я сам, спасибо за совет!

Пройти во дворец Дракация Нери, где располагался своего рода штаб городских воротил, оказалось не так уж и сложно. «Дворники» и ведомый ими рабочий люд, не сумев взять квартал богачей с налета, теперь вяло обстреливали позиции «племянничков» у главных ворот камнями, в то время как менее значимые проходы никто блокировать, похоже, и не собирался. Сложилась просто абсурдная ситуация, когда Соргия протащили в Анпируэрни в двадцати шагах от беснующейся толпы, не подозревающей о небольшой решетчатой калитке под изогнутым мостиком через овраг.

Молодой вуравиец и раньше знал, что дворец Нери — это не просто дом, но ему и в голову не могло прийти, что он окажется воистину безразмерным комплексом зданий на огромной террито-

рии, кварталом в квартале, по роскоши превосходящим кое-где даже императорские покои. Безумно дорогой турфильской мозаикой была выложена земля между строениями, хотя во многих небедных виллах ее использовали для украшения пола. Прохладный, с приятными ароматами диковинных растений с Южного континента воздух наполняла ненавязчивая, успокаивающая мелодия музыкальных фонтанов. Внутри дворца ноги утопали в пушистых объятиях мустобримских ковров, а отделанные гранитом и разноцветным мрамором коридоры приветствовали картинами и раскрашенными статуями с мягкой подсветкой в зеркальных нишах. На фоне такого тихого великолепия не верилось, что сейчас кто-то совсем рядом хочет ворваться сюда и залить все кровью.

Но были во дворце и совсем другие помещения. Стены и пол здесь напоминали старую крепость, а запах пота и кожи от спящих туда-сюда вооруженных людей создавал в спертом воздухе отнюдь не праздную атмосферу.

— Это еще кто?

У мускулистого человека на табурете за столом некогда была аккуратная модная стрижка, но теперь его мокрые черные волосы перьями падали на лоб. Он выглядел уставшим и раздраженным.

— О, Фондо кукан с рыбой принес! — хохотнул его помощник с неприятно выступающим носом, в меховой торгендамской безрукавке на голое тело. Соргий всегда удивлялся этой странной, не поддающейся рациональному объяснению моде, когда в провинции с самым жарким климатом в империи пыхтят, ходят с влажными спинами, глуша амбре дорогими духами, но при этом упорно носят одежду, в которой торги прогуливаются на трескучем морозе.

— Лазутчик навозников! — надменно ответил усатый Фондо, смерив шутника презрительным взглядом.

— Да? — в глазах мускулистого появился слабый огонек удивления. — И что же он хотел разведать? Как вы бедные кварталы грабили, пока навозники наши ворота громили? Какой у вас был приказ?

— Да их там толпа целая, а мои ребята дохнуть не нанимались! — зло ответил Фондо. — Пусть гарнизонные крысы серебро отрабатывают!

Жилы на лбу мускулистого напряглись так, что Соргий приготовился к немедленной расправе над обнаглевшим Фондо. Но, видимо, такие слова звучали здесь сегодня уже не в первый раз. Спрятав лицо в растопыренной пятерне, человек на табурете мелко задрожал, с силой выдохнул, а потом обессиленно произнес:

— Почему решил, что он лазутчик?

— Так сам признался! Говорит, Верховного дворника лично знает и сведения ценные для него имеет! — Фондо презрительно усмехнулся: — Попутал нас с ихними, дурачок!

Соргий попытался сказать что-то в свою защиту, но из-за кляпа получилось невнятное мычание.

— Да вынь ты это! — приказал мускулистый.

— Достопочтимые энели, это большая ошибка! — затараторил Квандо, борясь с волнением и нехваткой воздуха. — Я никакой не лазутчик, а почтенный купец...

Раздался страшный грохот, словно по крыше ударили гигантским молотком. Стены затряслись, и вибрация разом ворвалась внутрь тела пронизывающим кости страхом.

— Мрак вас! — вскочил с места мускулистый и подбежал к узкому окну. Разглядеть он толком, видимо, ничего не смог, отчего снова выругался:

— Чтоб им Светило потроха выжгло! Это что за длань небесная?

— Это тяжелые баллисты, Сарвелий! — произнес незаметно возникший на пороге человек. На нем был стандартный пехотный панцирь из скрепленных кожаными ремнями бронзовых дисков, а в руках он держал яйцевидный шлем с литым украшением из двух водяных драконов на лбу. — Как минимум две штуки. И еще штук пять катапульта, с помощью которых они только что прорвали наши заслоны и ворвались в Анпиреэрни.

— Что?! — разом вскрикнули все присутствующие, включая и позабывшего про свой текущий статус Соргия. — Как? А гарнизон? А что со дворцом?

— А откуда, вы думаете, все это добро? — усмехнулся вошедший, плюхаясь на освободившийся табурет и вытягивая ноги. — Металельные машины есть только в арсенале Цитадели. Они там, кстати, и доспехами обзавелись, а про оружие я вообще молчу...

— Но как же так, не может быть! — заскулил пижон в меховой безрукавке, прижимаясь к стене. — Если и гарнизон перебит...

— Или перешел на их сторону, — деловито предположил вошедший, в задумчивости задирая почти сросшиеся густые брови. — Но в любом случае рассчитывать теперь мы можем только на себя.

— Да какого Мрака, Арбаний! — с размаху ударил кулаками по столу мускулистый. — Ты так спокойно говоришь об этом... Почему твои спадарии не остановили их, почему не загнали обратно под телеги? Они же все ветераны, многие в степи служили, с торгами еще воевали...

— Потому что моя задача — охранять патрона и его собственность! — выпятив нижнюю челюсть, пророкотал Арбаний. — Дворец укреплен гораздо лучше, и сюда они не пройдут. А вот в том, чем занимались твои «племяннички» вместо того, чтобы ударить навозникам в тыл, патрон будет разбираться лично, я позабочусь!

Сарвелий прикрыл глаза и глухо зарычал.

— Если так верно служишь нашему господину, то почему же ты до сих пор здесь, а не подле него?! — вцепившись взглядом в точку на каменной стене, прокричал он.

Арбаний ухмыльнулся и развязно хлебнул пива из стоящей на столе кружки.

— Ну и гадость вы тут пьете! — сказал он, демонстративно поморщившись, затем, словно нехотя, поднялся со стула и не торопясь вышел за дверь.

— Соберите всех наших, а я к энелю Сиарфо! — приказал оставшимся мускулистый.

— А, не трудись! — глухо раздался из коридора голос Арбания. — Патрон в провинцию его услад, через подземный ход. Людишек набрать и с тылу навозникам ударить. Вот тогда и мы ма-

лость подсобим... Хотя нет, иди-иди, ты еще сможешь его догнать. Все равно от тебя здесь уже никакого толку. — Он рассмеялся.

— Энель Сарвелий! — вклинился в разговор Соргий. — Прошу прощения, что прерываю, но я никакой не шпион! Меня зовут...

— Да врет он все! — Фондо больно заломал пленнику руку и прижал лицом к стене. — У него ценные сведения для их главного ублюдка! Хочешь, я его сам допрошу?

— Ты будешь делать то, что я говорю! — в очередной раз взорвался мускулистый. — Совсем башка спеклась, что ли? Мы должны сделать вылазку и оправдаться в глазах хозяина!

— А если у него ценные сведения?

— Да нет у меня никаких сведений! — прохрипел прижатый к стене Соргий. — За меня «дядюшка» Кошти поручиться сможет!

— «Дядюшку» Кошти не видели здесь с самого начала событий, что уже подозрительно, — прищурился Сарвелий.

— Во! — оживился Фондо. — Давай я ему башку петлей сдавлю? Вмиг все расскажет.

Сарвелий поморщился, но потом бросил:

— Только быстро!

У Соргия все похолодело внутри. Его вмиг переместили на пол, придавили ноги, а Фондо, накинув ему на голову веревочное кольцо, продел туда палку и стал проворачивать, как вóрот на катапульте. Тут желудок Соргия не выдержал и несколько раз выстрелил вонючими спазмами.

— Сучья кровь, он облевал меня! — заверещал носатый, стряхивая рыбку энеля Турвия со своей меховой безрукавки. — Я убью его!

— Сидеть, Мрак тебя! — заорал на него Фондо и еще раз крутанул петлю.

Глаза Соргия чуть не выпрыгнули из орбит. И интуитивно он выбрал ту манеру поведения, которая отличает обделенных силой, но не хитростью людей: жутко выпучил глаза, завращал ими в разные стороны, вывалил язык и захрипел, словно умирающий.